18+

Святослав Коровин

Быстрый мир: медленный человек

Святослав Коровин

Быстрый мир: медленный человек

«Издательские решения»

Коровин С.

Быстрый мир: медленный человек / С. Коровин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-595380-3

Продолжение книги «Быстрый мир: быстрые люди». Прошло несколько лет… Что случилось с героями? Что будет с миром? Завершится ли эта история, или это то, что не требует никакого финала?«Выстрел? В этой глуши? Да и кто мог стрелять? Неужели местные дошли в своем развитии до огнестрельного оружия? Да ну, вряд ли! Да и что им делать здесь?».Позже текст романа «Быстрый мир: медленный человек» и рассказ «Теория струн» были опубликованы в книге «Быстрый мир» (абсолютное издание).

ISBN 978-5-00-595380-3

© Коровин С.
© Издательские решения

Содержание

БЫСТРЫЙ МИР: МЕДЛЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК 6
ВЫСТРЕЛЫ 6
ЗНАКОМСТВО НА БЕРЕГОВОЙ ПУСТОШИ 11
ПОЧЕМУ МАМА НЕ СПИТ 18
СИТУАЦИЯ 25
КНЯЖЕСКИХ КРОВЕЙ 32
ВРЕМЯ 37
ЧЕЛОВЕК ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПУТЬ 41
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Быстрый мир: медленный человек

Святослав Коровин

© Святослав Коровин, 2024

ISBN 978-5-0059-5380-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

БЫСТРЫЙ МИР: МЕДЛЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

ВЫСТРЕЛЫ

Ветер усиливался. Его порывы подхватывали снежинки и кидали их в совершенно неожиданных направлениях. Казалось, что снег идёт отовсюду. Даже снизу.

Скованное льдом озеро походило на гигантское плато где-нибудь в северных высокогорьях: снег, злое серое небо и тысячи метров безжизненной пустоши.

Зимы с годами становились все более непредсказуемыми: то хлюпает под ногами вплоть до весны, а то уже в середине осени морозит с такой силой, что, кажется, выдыхаемый пар застывает в воздухе.

Береговая пустошь. Именно так назвал эти места Старик в своем атласе здешних мест. Уже не первый год он рисовал подробные карты лесов, озер, рек и дорог. Отчасти, чтобы не сойти с ума, отчасти, дабы сделать хоть что-то полезное. Он не знал, понадобятся ли кому-нибудь эти карты, но сам процесс их создания увлекал и отвлекал от бесцельности происходящего вокруг и абсолютного одиночества.

Старик месяцами молчал… Если он говорил, то редко и сам с собой – иногда нужно было убедиться, что не забыл, каково это звуками передавать слово, а словами хоть какую-нибудь информацию.

Первое время одиночество тяготило, но потом он привык. К тому, что ты один, привыкнуть проще, чем к обществу. В обществе слишком много переменных, которые нужно учитывать: нормы, правила, мода, законы, традиции… Одиночество же дарит полную свободу от всего того, что прячет истинную сущность человека.

Фрейд писал о неких внутренних «оно» и «суперэго». Под суперэго этот закомплексованный австрийский еврей понимал все то, чем общество сдерживает истинную первородную и, наверное, даже звериную сущность человека. Возможно, теория Фрейда и верна… Но, как казалось Старику, за годы отшельничества он не стал хуже, распущенней или глупей. Он не потерял человеческого облика, он не забыл о том, что хорошо, а что плохо.

Старик в такую погоду старался не выходить на улицу.

В вырытой недалеко от берега землянке было тепло. Мерно гудел генератор, тихо играла музыка из колонок стоящего на столе ноутбука… Вход в землянку закрывал срезанный с одного из катеров, прибитых на прибрежную отмель, корабельный люк с центральным замком. В установке такой мощной двери не было никакой надобности, просто это было ещё одно дело, которое помогло скрасить тихое бесконечное одиночество. Старик тогда все лето провозился с укреплением стен и потолка своего жилища. Он соорудил каркас из разрезанных и снова сваренных рельс, укрепил на них металлические листы в два слоя с утеплителем между ними, обшил изнутри землянку деревом… А потом увидел катер. Судно, накренившись, торчало метрах в ста от берега. Сколько лет его носило перед тем, как оно налетело на мель? Как оно выдержало многократный ледовый плен и кучу ураганов? Расчет инженеров или же их случайная удача?

До катера Старик тогда добрался на понтонному плоту, собранном из связанных между собой пустых восемнадцатилитровых ёмкостей для воды. Поднявшись на судно, он обнаружил кучу полезных вещей: инструменты, два ружья, коробку патронов, карты, одежду.

Дверь он вырезал болгаркой, переправив на борт суденышка бензиновый генератор. Затем ещё за несколько десятков ходок Старик перевез в землянку все ценное, что нашлось на борту, включая корабельную проводку, фурнитуру и крепежные гайки…

Ветер снаружи не переставал бесноваться. В землянке было тепло и уютно. Старик с помощью диммера отрегулировал яркость потолочных светильников, включив режим минимального освещения. В камине у дальней стены потрескивали дрова. Световые пятна от огня, пляшущие по стенам, нравились Старику больше, чем лампы накаливания.

Откинувшись на спинку кресла, он сцепил руки замком на затылке. Как же здорово иметь собственный продуманный до мелочей дом. Дом, в котором есть все, что нужно для жизни и даже больше! Дом, в котором можно чувствовать себя в полной безопасности. Дом, ставший одним из оплотов погибшей цивилизации.

Каминная труба уходила вверх, но потом, сделав резкий крен, под землёй на несколько сот метров тянулась к берегу озера. Ее конец торчал внутри небольшой искусственной пещерки, наполовину затопленной водой. Такое решение было одним из многих элементов сложной системы безопасности: если кто-то обнаружит дым, стелящийся по глади озера, то вряд ли найдет его источник. Местные жители не настолько умны, чтобы понять, что это и как это работает. Да и не заходят они сюда.

Ладожское озеро не привлекало хозяев востока, южан и, уж тем более, людей запада. А, поскольку аборигены здесь не появляются, то и Вечные не интересуются здешними окраинами. Раз в неделю, бывает, что пролетает дрон или вертолет. Но их не сложно засечь и спрятать от камер и взглядов пилотов следы своего существования.

Старик нагнулся к столу со стоящим на нем ноутбуком и, дернув мышью, переключил трек в проигрывателе.

Эх, подумал Старик, почти семьдесят лет назад «Депеш мод» записали песню «Personal Jesus», а сознание она будоражит все так же, как и в те стародавние времена.

Несколько лет назад он нашел чью-то утопленную в лесах дачу. На чердаке среди буйства мха и помета зверей обнаружился целый ящик с компакт-дисками. Видимо кто-то, окончательно перейдя на электронные форматы, пожалел выкидывать свою коллекцию и привез ее сюда. Стоит отметить, что у этого кого-то был отличный вкус!

Наносить найденный дом на карту не было никакого смысла. Судя по его внешнему виду и состоянию перекрытий, стоять ему осталось совсем недолго. Счастье, что он не обвалился, когда Старик залез на чердак.

Часы, висящие на стене, начали отбивать время. Три часа дня. Самое то, чтобы сделать что-нибудь полезное. Но, с другой стороны, в такой холод и буран самым полезным для человека будет сидеть дома и пить чай с медом, закусывая пряниками. Жаль, только, что пряников нет. Можно было, конечно, изучить технологию их изготовления, но это никогда не входило даже в первую сотню вещей, необходимых здесь для выживания.

А чай с медом – это просто. Недалеко от той дачи нашелся целый склад, в котором обнаружилось несколько сот ящиков с индийским крупнолистовым. За долгие годы чай практически потерял аромат, но, как говорится, на безрыбье и рак рыба… Старик не был уверен, что эта поговорка стопроцентно подходит для данного случая, но было в ней что-то энергетически сходное с его каждодневными чувствами и эмоциями добытчика. Ржавый топор? Ключевое тут это «топор», а ржавчину снимем! Сломанный стул? Главное, что стул, а ножку починим!

Выйдя на кухню, Старик налил заварку в кружку и, разбавив ее кипятком, вернулся к ноутбуку. Сев в кресло, сделал несколько глотков и зажмурился от удовольствия. В этом мире нельзя иначе – здесь нельзя прятать эмоции, здесь нужно их гипертрофировать и даже малую радость превращать в восторг и феерию. Нет, это не потому что здесь нет больших радостей. Это нужно, чтобы не забыть, что такое эмоции. Когда общаешься с другими людьми, то, как ты показываешь свои эмоции, является еще одним средством коммуникации. В отсутствие же собеседника эмоции перестают быть нужны, и со временем, если не напоминать себе о них, ты забудешь, что значит плакать, и, каково это – смеяться.

Песня закончилась. Старик остановил диск и, достав его из ноутбука, вложил в пластиковую коробочку с цветастым буклетом:

– Хорошо, – промурлыкал он сам себе в усы.

Где-то снаружи потрескивали от холода и ветра деревья, где-то снаружи раздался выстрел.

Старик даже не сразу понял, что это за звук. Хлесткий и сухой, будто палка сломалась.

Выстрел? В этой глуши? Да и кто мог стрелять? Неужели местные дошли в своем развитии до огнестрельного оружия? Да ну, вряд ли! Да и что им здесь делать? Может быть, послышалось?

Второй выстрел…

Это такое странное ощущение, когда что-то видишь или слышишь, а потом сам себя убеждаешь, что это все тебе показалось. Но через секунду все-таки обнаруживаешь, что нет – не показалось. И страшно, и захватывающе.

Встав с кресла, Старик прошел через комнату, снял с вешалки у двери ватные штаны и утеплённый офицерский бушлат.

Наверное, идти и искать, кто стрелял – не самая лучшая идея. Кто знает, что принесет эта встреча. Всё-таки он не зря более тридцати лет назад ушел от своих и не просто так пять лет спустя обосновался здесь на берегу озера. Здесь не было людей, а, значит, не было тех, кто посчитает его странным, необычным или, что вполне возможно, опасным.

Но разве можно оставаться в полном неведении относительно того, что происходит снаружи? Вдруг это что-то несёт угрозу, а любую угрозу нужно обнаружить и нейтрализовать на самой ранней стадии.

Снаружи застрекотала автоматная очередь. Вот это уже совсем непонятно! Если предположить, что у местных есть ружья – это одно, а вот автоматическое оружие – это совсем другое.

Старик периодически делал вылазки к Восточному поселению и в южные земли. Пару раз пробирался и на западные острова. Огнестрельного оружия у аборигенов не было. Даже на западе. Так-то на островах вообще никакого оружия нет – островитяне целиком и полностью контролируются Вечными, которые их защищают и через сложную цепочку потомственной аристократии негласно управляют ими. Какая несусветная глупость – создать искусственный народ ради сохранения памятников погибшей цивилизации! Народ, не умеющий за себя постоять и живущий в священном трепете перед границей своих земель.

Старик достал из металлического сейфа у двери пахнущий маслом «калаш» и, проверив, есть ли патроны в магазине, закинул его на плечо. Вцепившись в обод круглой ручки, он повернул ее и толкнул дверь наружу. Выйдя в узкую траншею, сверху накрытую зимней маскировочной сеткой, он поднялся по вырезанным в земле ступенькам и откинул маскировочный полог.

– Беда! – вздохнул он, на секунду будто бы ослепнув от бросившегося в глаза снега и пронзившего кожу тысячей холодных игл ветра.

Судя по всему, стреляли недалеко. И это была не перестрелка. Может быть, кто-то из местных нашел военный склад и пытается понять, как управляться с автоматом? Да, ну, бред! Автоматы на складах не хранятся заряженными, да и до ближайшего уцелевшего военного склада почти день пути.

Старик стоял на самом краю леса, глядя в сторону спящего подо льдом озера. Ветер на несколько секунд стих. Этих мгновений хватило для того, чтобы услышать, как кто-то кричит откуда-то слева. Что кричит, понять сложно, но то, что это крик с просьбой о помощи – однозначно. Кого же там черт принес?

Наверное, если бы не звуки выстрелов, Старик не пошел бы помогать непонятно кому. Это попросту опасно. Обнаруживать себя в этом мире довольно рискованно. Сначала о тебе узнают местные, а потом, того и гляди, Вечные отправят в твою сторону парочку ракет. Плавали, знаем!

Но сейчас в одно сложилось сразу несколько обстоятельств, и вся совокупность фактов говорила о том, что надо хотя бы посмотреть кто это и убедиться, что этот кто-то не опасен для его убежища.

– Есть кто? Есть? – крики становились все более разборчивыми.

Старик шел, утопая по колено в снегу. Так, что это там виднеется? Мертвый медведь! Вот, ведь, доходяга, кто же просил тебя просыпаться среди зимы.

Недалеко от убитого животного, прислонившись спиной к дереву и держась за живот, сидел бородатый длинноволосый человек в армейском бушлате. Из под его пальцев сочилась кровь.

Рядом с человеком лежал автомат. Судя по тому, что снег вокруг ствола растаял, стреляли именно из него.

– Есть кто? – причитал пришелец, кривя рот и закрыв глаза. Он уже не кричал, он плакал и хрипел.

– Есть, есть, – ответил Старик.

Пришелец открыл глаза и, посмотрев на него, потерял сознание.

– Вот и поговорили. – Старик снял перчатку и приложил пальцы к шее Пришельца: пульс есть – это хорошо.

Несложно было догадаться, что этот человек нарвался на шатуна. В поединке когтей и патронов победило человеческое оружие, однако мишка успел нанести удар. Человек, поняв, что ему одному никак не выжить с такой раной и в такую погоду, решил привлечь к себе внимание, стреляя в воздух. С одной стороны разумно, с другой опрометчиво.

Но, видимо, он понял, что терять ему уже нечего: либо умирать здесь от кровопотери и мороза, или воспользоваться одним шансом из миллиона. И этот шанс сработал.

До землянки метров пятьдесят. Совсем недалеко. Волоком дотащить можно. Главное, чтобы по пути не истек кровью.

Тащить пришельца в оборудованный и электрифицированный подземный дом не стоило. Старик решил, что для встречи столь нежданного гостя отлично подойдет вырытый в десяти метрах от жилища погреб, используемый им как склад. Провести туда проводку все как-то руки не доходили. Да и незачем там она – прийти и взять с полки что-то нужное можно и с фонарем или керосинкой.

В погребе Старик зажег несколько керосиновых ламп и, положив пришельца на стол, расстегнул его одежду.

Все не так страшно, как показалось! Выглядит ужасно, но органы не задеты, а мышцы сшить – плевое дело!

Лет десять назад Старик прибился к одному из приграничных хуторов южан. Познакомившись с местным целителем, он многому научился у него: сшивать раны, вправлять вывихи, лечить переломы и собирать целебные травы. Потом он, к слову, существенно расширил свои знания, прочитав несколько книг по военно-полевой хирургии.

Жить дольше года с местными опасно. Они могут заметить, что ты не стареешь. По их меркам, разумеется.

Через год он тихо покинул хутор и окончательно порвал с миром людей. Пожив во всех четырех землях, Старик выбрал свою собственную – Береговую пустошь. Периодически, прикинувшись то южанином, то подданным Восточного Князя, он в дни ярмарок или праздников приходил к местным. Больше для разведки, конечно же, нежели из-за конкретной надобности.

Привязав конечности пришельца к ножкам стола, Старик с помощью нехитрых манипуляций остановил кровотечение и продезинфицировал рану – пригодился-таки набор медицинских инструментов, найденный в одном из заброшенных городков.

Вот, и что делать теперь с этим мужиком? Поднять на ноги, а затем, завязав глаза, отвезти к его родным землям? Наверное, так и нужно. Только ещё надо узнать, откуда он взял автомат.

И, вообще, что он забыл тут. Не очень хорошо будет, если он разведывал по чьему-то заданию новые земли. Если это так, то Старику придется срочно менять место дислокации. Благо, что на востоке есть еще одна землянка, построенная как раз на такой случай по образу и подобию этой. Только дверь там не корабельная.

Покряхтев, Старик наложил первый шов.

ЗНАКОМСТВО НА БЕРЕГОВОЙ ПУСТОШИ

Мефодий не чувствовал своего тела. Было ощущение какой-то невесомости и деперсонализации. Словно бы его не стало вовсе, словно бы он несуществующий смотрел на себя самого, но не себя, а другого, и тоже несуществующего. Такое странное чувство. Это как стать бездной, упорно вглядывающейся в того, кто в эту самую бездну пялится с неменьшим усердием. Полет без неба, движение без пространства, вечность без времени. Можно ли в таком состоянии оценить это самое состояние?

Что он помнил? Старик с автоматом через плечо, снег, пронзающий до костей ветер, звук выстрелов, ощущение отчаяния, боль, удар, нападающего медведя… Как-то всё неправильно в голове лежит, как-то всё не так было. Может быть, в другой последовательности?

Вот он идёт через лес. Впереди озеро. Снег бьет в лицо. Хочется спрятаться, но прятаться некуда – до поселка, который обнаружился на старой автомобильной карте, ещё километра два-три. Можно присесть за сугроб, но высока вероятность замерзнуть, а разводить костер рискованно – кто знает, кто может заметить дым от него.

Медведя он видит слишком поздно. Убежать по такому снегу не получится. Особенно, если учесть, что это не довольный объевшийся малиной летний мишка, а одуревший от голода и безнадеги шатун.

Мефодий снимает с плеча автомат и, глядя на животное, поворачивает дуло в его сторону. Нажимать на спусковой крючок не спешит. Он надеется, что медведь пройдет мимо. И он ошибается.

Шатун, хоть и выглядит отощавшим, двигается быстро и решительно. Мефодий видит перед собой абсолютно пустые глаза животного и чувствует резкую боль. Ударив его в живот, зверь оскаливает пасть.

Выстрел.

У медведя, такое ощущение, что кто-то резко выдернул штекер из розетки. Никаких картинных сцен, никаких лишних звуков. Он просто падает в снег и замирает. Мефодий кладет руку на живот и, почувствовав кровь, делает несколько шагов назад. Уперевшись спиной в ствол дерева, он сползает по нему вниз.

Следующий выстрел контрольный. Дурацкая привычка из прошлой жизни.

Умирать Мефодию не хотелось. Никакому нормальному человеку не хочется покидать этот мир. Тем более после пережитого. Особенно, пережитого за последние несколько лет.

Мефодий кричит и, подняв ствол автомата вверх, выпускает очередь. Может быть, кто-нибудь услышит. Кто угодно – южане, восточные люди, островитяне или Вечные. В любом случае, это лучше, чем сдохнуть здесь в сугробе.

– Есть кто? – спрашивает Мефодий бездну и она отвечает ему.

– Есть! – у бездны старческий голос.

Мефодий видит старика в камуфляже, пытается сходу установить его принадлежность к тем или иным землям, но сделать это не получается. Он проваливается в хищно облепившую каждую клеточку его тела вязкую темноту.

Сквозь темноту он практически ничего не слышал и не видел. Можно лишь догадываться, что произошло дальше.

Кажется, старик его куда-то тащил. Потом стало тепло и тихо. В руке боль от иглы, затем яркий свет и снова темнота.

Темнота отпускала нехотя, но когда отпустила совсем, он понял, что может сделать это – открыть глаза.

– Проснулись? – Старик стоял над ним, держа руки за спиной, – не дергайтесь только сильно. Я привязал ваши руки и ноги, да и от слишком активных движений могут швы разойтись.

– Где я?

– Вам географически нужно, или вопрос больше в философской плоскости?

– Где я? – Мефодий попытался дёрнуть рукой, но не смог: в запястье впилась веревка.

– Начнем как в старых детективах. Вы в безопасном месте. Читали старые детективы?

– Где я?

– Да, что же вы заладили-то? Вы на берегу Ладожского озера. Его ещё называют озеро Великое. Какое название вам больше нравится?

Мефодий пристально посмотрел на деда. Дед-то не простой. Ладожским это озеро не называет ни одно из племен. Да, на картах это название осталось, но Восточный Князь четыре года назад выпустил указ о новых наименованиях. Читая на картах названия, он перечеркивал их и писал сверху новые: «Отныне река Нева именуется Княжной, Охта – Охотницей, Синявино – Дальней Окраиной». Делал он это для того, чтобы окончательно порвать с наследием прошлого и создать что-то свое, войдя в новейшую историю этих мест, не только, как воинствующий царек, но еще и географ. Любят, знаете ли, власть имущие дополнительные титулы, степени и звания.

Обновленные карты Князь отправлял во все концы своего княжества и в городки южан. Там в одном из поселений несколько лет назад Мефодий и ознакомился с новыми топонимами.

– Я на Ладоге?

– Именно. А теперь ответьте на мой вопрос – кто вы?

– Для начала развяжи меня.

– Надеюсь, глупостей не сотворите? Я-то человек старый, перешибешь меня одним ударом и сбежишь.

– Нет смысла. Я сам по себе и ты, дед, кажется, примерно в такой же ситуации.

Старик развязал узлы, державшие ноги и руки Мефодия, и тот сел на столе. В свете керосинок он разглядел, что находится в погребе или на складе – по стенам тянутся полки с банками и мешками.

Затем он перевел взгляд на капельницу и катетер, вставленный в его вену:

– Что это?

– А это я вас из наркоза выводил. Вас медведь немного поцарапал, нужно было зашить. Чтобы не мешали внезапным пробуждением, я вас немного усыпил…

– Я знаю, что такое наркоз.

Мефодий свесил ноги. Старик действительно не прост. Местным жителям до самой идеи наркоза расти и расти. Даже островитяне не владеют подобными навыками. Возможно, конечно, он попал к отшельнику, изучающему медицинские книги и живущего с опережением времени на краю здешней вселенной. Но наверняка есть и более простое объяснение тому, кто он.

– Дед, а ты автомат-то откуда взял?

– Вы так и не ответили… Кто вы? – Старик сел на табурет напротив Мефодия. – И вы тоже, знаете ли, не с арбалетом пришли в Береговую Пустошь.

– Я… – Мефодий замялся.

Он понимал, что ходит, образно выражаясь, по тонкому льду. Один неосторожный шаг, и ситуация может кардинально поменяться: добрый старик обратится в безжалостного убийцу или что-то типа того…

– Ага, именно вы.

– Меня можно назвать Робинзоном. Я живу вдали от людей, став изгнанником в своих землях.

Конечно, это было лучше, чем, если бы оказалось, что перед ним разведчик. Но, если с разведчиком все понятно, то история об изгнаннике, шастающим с автоматом по колено в снегу, всё-таки настораживает.

– И кто же вас изгнал?

– Да, наверное, я сам себя изгнал, – Мефодий кивнул на капельницу, – кончилась. Менять будешь или вытаскиваю?

– Дайте, я сам, – старик перетянул предплечье Мефодия жгутом, вытащил иглу, наложил повязку.

– А расскажи мне, дед, всё-таки откуда у тебя автомат, навыки хирурга, керосинки?

– Керосинки-то чем не угодили?

– А не изобрели их еще местные мастера. Да и, открою секрет, вряд ли изобретут. Они как-то, начитавшись книг прошлых эпох, решили сразу электричество заново придумать. Ты электричество-то ещё не научился добывать, а, дед?

– Знаете ли… – Старик снял с предплечья Мефодия перетягивающую сосуды повязку, – вы ведь тоже знаете о таких лампах. Кто вы? Вы точно не Вечный, и я в этом абсолютно уверен.

– А с чего ты взял это, дед? – Мефодий слез со стола, – давай что ли чаю попьем? Вот за чашечкой и поговорим.

– А, давайте! Погодите здесь, я сейчас вернусь.

Старик, открыв дверь, вышел на улицу. Судя по звукам, снаружи он повесил замок.

Отлично. Взаперти, но со светом. Конечно, чай – это повод. Хорошо, что лампы оставил!

Взяв керосинку, Мефодий подошёл к полкам. Так, консервированное мясо. Видно, что новодел. Видимо, старик – охотник. Охотник и специалист по сохранению продуктов. Так, а это что? Вот это уже интересно!

Достав с полки бутылку вина, Мефодий прочитал о том, что изготовлено оно из урожая 2019 года. Привет из прошлого. Для кого-то, конечно, из прошлого, а для Мефодия очень даже из настоящего. Из настоящего – потерянного и подмененного каким-то длящимся уже который год псевдомифическим и околонаучным бредом.

Хм, интересно, дед знает, что это, или притащил эти бутылки сюда на всякий случай. Ну, знаете, бывает такое, когда хранишь предмет, назначение которого не понимаешь, но видишь, что он представляет ценность.

Мефодий как-то участвовал в странной миссии в одной из стран Латинской Америки. Ему с прапорщиком Гошей Носковым нужно было под видом старьевщиков проехаться по ряду деревень и выкупить у местных один секретный прибор, украденный в тех местах у российских учёных. Прибор, стоивший что-то около семнадцати миллионов рублей, нашелся в сарае у местного автослесаря. Поторговавшись, Мефодий смог тогда сбить цену до пятнадцати долларов.

Тот автослесарь даже не предполагал, что это такое, но предмет с красивыми лампочками и блестящими кнопочками хранил в промасленной тряпке на дальней полке.

– А вы знаете, что это? – пересчитывая деньги, спросил автослесарь.

– Нет, но мне кажется, что в городе я выручу за это не меньше двадцатки, – ответил Гоша, пряча промасленный сверток в рюкзак

– Эх, жаль у меня нет денег на то, чтобы поехать в город. Так бы сам продал!

За ту неделю для прикрытия они накупили еще кучу барахла – какие-то монеты, настоящий медный таз, старые вилы, пару старинных книг и бог знает, что еще.

Барахло, к слову, удалось продать на столичном рынке, окупить затраты и даже кое-что заработать.

Повертев бутылку в руках, Мефодий поставил ее на место. Так, что тут у нас ещё… Мешки с мукой, спички… Да, спички. Самые, что ни на есть. Интересно. А это что за канистра?

Мефодий открутил крышку десятилитровой ёмкости и понюхал. Хм, бензин. Это, прямо-таки, не склад, а настоящий музей еще не изобретенных в этом мире вещей.

Снаружи послышались шаги. Мефодий поставил канистру на полку и отошёл к столу.

– Как я вижу, вы тут решили немного поисследовать? – Старик открыл дверь, – И, насколько я могу догадываться, вы прекрасно знаете, что тут есть вещи, несвойственные этому миру. Мало того, вы знаете, что это за предметы…

– Ну, да, – Мефодий помог Старику, взяв из его руки чайник, – Не буду врать. Я знаком с бензином, спичками и знаю, что такое вино.

– Не сомневался, – Старик достал с одной из полок две алюминиевые кружки и коробку с пакетированный чаем, – Чаек немного выдохшийся, но вкус напитка разгадать все же можно.

И это ещё одно подтверждение того, что дед не является частью этого мира. Здесь не знают, что такое чай. Тем более, не знают, каким он должен быть на вкус. Тем более, из пакетов.

Чай оказался, действительно, дрянным. Однако, как и сказал Старик, в нем можно было угадать намек на чайный аромат с какой-то добавкой. Ягоды, что ли?

– Ну, что же, чай разлит, можем поговорить. Расскажите мне, что привело вас в наши места, откуда вы и, главное, сколько вам лет.

Какой коварный вопрос! Если дед всё-таки родился и состарился здесь, то ему от роду нет и десяти. А если нет?

– Давай-ка на чистоту. Как я понимаю, ты Вечный? – Мефодий поставил кружку на стол, – только по какой-то причине ты не остался в городе, а предпочел доживать свой век здесь. Я не удивлюсь, если у тебя все-таки есть электричество, а передвигаешься ты на снегоходе.

– Нет, на снегоходе здесь небезопасно. Могут заметить… Пройдемте-ка тогда со мной!

Мефодий сделал несколько шагов и схватился за живот:

– Болит всё-таки! Там же не очень серьезно? Я про травму.

– Если бы вы остались снаружи, скорее всего, истекли бы кровью и замёрзли. А так, нет…

Старик открыл дверь. Сразу повеяло холодом. Поднявшись по ступенькам, он откинул маскировочный полог:

– Тут совсем недалеко. Идёмте.

Снежная буря стихла, на небе сияли вечные и спокойные звёзды. Застывшая хрустальная тишина и тысячи тонких холодных иголок, пронизывающих насквозь одежду и плоть…

Дед в бушлате, ему тепло. А вот у Мефодия даже дыхание перехватило. Но идти было действительно близко. Откинув ещё один полог, старик кивнул:

– Нам сюда. Быстрее, а то совсем замерзнете.

Повернув круглую ручку, старик открыл дверь в землянку.

– Ого! – присвистнул Мефодий, – Коммунизм – это есть Советская власть плюс электрификация всей страны!

– Да, какая уж она советская? – усмехнулся Старик. – Тут скорее анархический индивидуализм на осколках былой роскоши.

В жилой землянке было не в пример уютнее, чем на складе. Горели электрические лампы, в камине потрескивали поленья, на столе мигал ноутбук.

– Я мог бы называть себя Вечным, если бы остался в городе. Но я вынужден был уйти из него много-много лет назад, – Старик жестом показал на одно из кресел у камина, – я не видел вас среди них. Даже несмотря на вашу бороду и шевелюру, могу сказать это точно.

– И, как я понимаю, ты обходишься безо всех их криокамер и живёшь тут на отшибе. Зачем?

– Я хотел помочь этому миру стать лучше и умнее, но это не понравилось жителям города. Ну и из соображений собственной безопасности мне приходится прятаться. Мне уже семьдесят

три года, и то что я дожил – это не чудо, это трезвый расчет плюс стратегическое мышление. Тебя же не удивляет мой возраст?

– Нет. Мне сорок шесть. Я четыре года путешествую по этим землям. Я работаю над тем, чтобы в этом мире появилось равновесие. Ты же сам понимаешь, что сейчас здесь диктат Вечных. Вернее, даже не самих Вечных, а одного человека, возомнившего себя богом, имеющим право решать, что можно, а что нельзя, – Мефодий сделал еще глоток. – Тебя как зовут-то?

– Меня… – Старик сделал паузу. – Ну, скажем так, более тридцати лет назад меня звали Дмитрием. Дмитрием Сергеевичем, если быть точным, а вас?

– Меня зовут Мефодием. Такое вот странное имя. Я пришел сюда случайно. Это долго объяснять…

Мефодий сам не понимал, отчего он так разоткровенничался со Стариком. Вполне возможно, что его землянка – это блокпост, и сейчас к ней летит вертолет из города или что-то подобное…

– Мефодий? – старик сделал паузу, – Сколько вы, говорите, путешествуете?

– Четыре года. Это имеет значение?

– Вы знакомы с Ритой, Максимом и Галей?

Вот это было неожиданно. Нет, то есть, наверное, не так… Вопрос был как обухом по голове. Вроде, вполне естественный, но не здесь. И не сейчас. Неужели он действительно попался? Неужели это засада?

– Не переживайте, – Дмитрий Сергеевич заметил, как напрягся Мефодий, – Если вы их знаете, то, значит, вы один из тех, кого я когда-то ждал. Вы переместились сюда после преступления. И вы, Мефодий, являетесь связующим звеном между правдой этого мира и вымыслами лжеистории, которые здесь творятся.

– Ну, допустим, я знаком с ними, – Мефодий взглядом оценил расстояние до двери, приметил оружейный шкаф у выхода…

– Я отец Риты, – фраза, вылетев в вечность, словно бы повисла над столом, – Я должен был вас встретить, но у меня не было точных данных…

– Погоди, Старик, ты хочешь сказать, что ты – это Вечный Ренегат? Но, он же погиб. Железные птицы и все такое!

– Вы, Мефодий, тоже погибли, но это не помешало вам перескочить более тридцати лет и оказаться здесь.

– Ну, это-то, да…

– Кстати, мне бы хотелось услышать вашу историю. Давайте-ка я разогрею ужин, и вы мне её поведаете.

Встреча с отцом Риты стала как будто тем самым потерянным куском пазла, который все никак не складывался в голове у Мефодия. Он четыре года путешествовал по этим землям и наслушался огромного количества легенд о Вечном Ренегате. Это было чем-то похоже на религию, но, всё-таки богом его ещё никто не провозглашал. Хотя, может быть, не прошло еще нужного для таких решений времени?

– Как я понимаю, Дмитрий, ты знаешь, как я попал сюда, и ты знаешь, что я сделал.

– Да. Это прискорбно, конечно, что ты стрелял и случайно убил Риту, но, раз ты здесь, значит и она жива. Так ведь, Мефодий?

– Да, – просто ответил Мефодий, – Она, Галя и музыкант живы. Сейчас, насколько я знаю, она находится в анабиозе в криокамере в городе Вечных и ждёт момента, когда местный мир догонит уровень нашего…

– Знаешь, в чем беда?

– В чем?

– Этот мир никогда не догонит погибшую цивилизацию. Понимаешь? Это то же самое, что пытаться догнать того, кто пошел по другой дороге. Возможно, конечно, дороги пересе-

кутся, но это совсем не факт. Здесь все не такое, каким был наш мир. Поверь. Вечные не хотят принимать этого. Вернее, им не дадут никогда этого принять. Вместо того чтобы как-то подготовить мир к пониманию, того, что произошло, сотрудники «Новой Энергетической Компании» во главе с шефом активно уничтожают все то, что могло нас соединить… Я, конечно, рад, что Рита жива, но сейчас мне по-настоящему страшно за нее. Страшнее, чем, когда я узнал о ее гибели…

– Дед, ты что имеешь в виду?

– То, что Вечные проиграют. Они будут стерты с лица земли. Они могли просто вымереть, но они предпочли переждать все невзгоды в морозильниках. Я знаю эту технологию. Мне рассказывал о ней шеф… Пока этот мир бурлит и развивается, они словно бы замерли в одной точке. Если с самого начала они ещё могли контролировать первобытных людей, то сейчас их существование – это абсолютное зло в глазах южан, востока и, я уверен, островитян. И в любой момент новое общество может начать штурм, и выжившие тогда так и погибнут в своих криокамерах, так никогда и не проснувшись.

– И что делать?

– Смириться. Смириться и наблюдать это со стороны. Я бы очень хотел увидеть дочь, но при таком раскладе лучше просто принять то, что произойдет.

Старика можно было понять. Он остался один в чуждом мире, так и не став его частью. Его отвергла старая цивилизация, отчего он и стал добровольным изгоем. Уйдя же от местных, он отвел от них беду – иначе бы обстрелы и атаки продолжались. Хотя, Вечные и без этого до сих пор жгут остатки своей истории.

– А всё-таки, как ты выжил, дед?

– Я с самого начала был приговорен, и понимал, что рано или поздно меня достанут, даже если я уйду. Шефу нужна была моя смерть. Я стал как бы громоотводом и козлом отпущения, на меня была повешена причина всего того, что случилось с миром. Возможно, если бы выжили вы, то и вас бы приговорили. Но дело не в этом. Уйдя к людям, я перешёл в полупартизанский режим. Мне нужно было многому их научить. Один из навыков, который я им передал, это навык строительства укрепленных подвальных сооружений. В том доме, где я жил последний месяц, мы построили настоящий бункер. И самой важной частью этого укрепления был тоннель, ведущий в подвал соседнего дома. Там метров пятнадцать под землёй…

Воспоминания оживали в его голове. Он помнил тот день до мелочей. Завтрак, занятия с местными, обед и рев двигателей. Последнее не сулило ничего хорошего. Дмитрий Сергеевич спешно открыл подвал, когда тень от боевого дрона заслонила солнце. Повернувшись к окну, он улыбнулся. А что ещё делать? Шансы выжить или погибнуть были равными, хотя в тот момент, когда первая ракета стала отделяться от корпуса боевой машины, он подумал, что не успеет… Не успеет сигануть в подвал, не успеет спрятаться…

Успел. Над головой полыхнуло пламя, залив собой, в том числе и подвал. Огонь обжег Дмитрия Сергеевича. Запахло жженными волосами.

Буквально вывалившись в тоннель, он услышал сзади грохот. Второй взрыв обрушил дом. Назад пути не было. Завал…

Не замечая боли от ожогов, он бегом преодолел расстояние до соседнего строения. Поднявшись, Дмитрий Сергеевич увидел огненный шар на месте своего жилища. Боевая машина, судя по всему, улетела, а местные в панике носились вокруг пожарища.

Можно было, конечно, выйти сейчас к ним, но что дальше? Снова ждать атаки? Снова подвергать опасности себя и этих людей?

Открыв окно, он вылез на улицу и пошел в сторону леса…

– Хитро. Это я про тоннель. Вообще, ты мастер отходных путей. Скажи мне вот что, а можно ли как-то попасть во дворец Вечных? Я имею в виду, чтобы не с голыми руками ломать очередных роботов, а тихо-тихо.

– Зачем тебе?

Идея вытащить Риту, Галю и истеричного надоевшего ему за те несколько дней Макса возникла сама собой. Сложно сказать, какой в этой идее толк, но смысл определенно был. Где-то на периферии сознания, где-то на грани понимания. Это похоже на то, что ты точно знаешь, куда свернуть, но не можешь объяснить, почему именно туда, а не в другую сторону.

– Меня учили, что своих бросать – это последнее дело. Понимаешь? В твоих словах есть рациональное зерно. Я сам думал о том, что рано или поздно их город погибнет, а ты словно бы подтвердил эту мысль. И мне кажется, что вытянув оттуда твою, между прочим, дочь и наших друзей, как минимум я дам им шанс выжить, а не сдохнуть в холодильниках оттого, что кто-то перережет электричество.

Старик молча поставил кастрюлю на электроплитку:

– Сначала, давай-ка расскажи, что произошло четыре года назад. А там, посмотрим…

ПОЧЕМУ МАМА НЕ СПИТ

– Мама!

– Да, Ларик, что такое?

– А драконы бывают?

Рита сидела у детской кроватки. Илларион все никак не мог заснуть.

– Нет, это сказки.

– Но мы же видели сегодня!

Утром на поле у дворца приземлились два боевых дрона. На фоне белого снега их черные угловатые силуэты выглядели фантастически: гигантские железные птицы со светящимися мордами. Раз в месяц элементы системы охраны и контроля осматривались техниками. Что-то чинили, что-то регулировали, подкрашивали…

Шеф настоятельно попросил несколько лет назад перекрасить боевые летательные беспилотники в черный цвет:

– Они должны выглядеть зловеще. Местные, завидев их огни, будут бросаться врассыпную. Страх – это наше стратегическое преимущество!

– Но зачем нам это? – спросил один из бойцов. Кажется, его звали Василием. До точки перезагрузки мира Василий был официантом, но здесь он нашел свое применение, став одним из стражей стены укрепленного периметра.

– Местные до сих пор не понимают, что это за штуки, которые летают и, при необходимости, уничтожают то или иное здание или сооружение. Осознать и понять природу этих машин им мешает страх. Они никогда не знают, что принесет им наш беспилотник – уничтожит ли он их деревню или пролетит мимо. Внешний вид наших «птичек» должен подчёркивать их иррациональность и непредсказуемость для этого мира.

– Но, почему черный?

– Черный цвет прячет детали. Из высокотехнологичных машин дроны превращаются в суровые тени. Обезличенные и зловещие. Местные становятся все более умными и, как следствие, наглыми, и страх – это то, что сбивает с них спесь и надежду. Они должны понять, что мы – хозяева этого мира, и им нужно признать это, а не из кожи вон лезть в попытках стать чем-то большим, нежели недоразвитые аборигены.

Последние несколько лет Шеф все больше и больше заботился об укреплении рубежей. Каждый месяц он отправлял экспедиции к старым войсковым частям и базам:

– Нужно вывезти все, что можно вывезти, а, что нет – уничтожить. Если местные знают, что такое огнестрельное оружие, то они рано или поздно найдут его, а нам этого не надо. Пока у них нет возможностей строить заводы и производить его самостоятельно, а давать им наше оружие, это все равно, что пятилетнему подарить пистолет с полным боекомплектом.

Одна экспедиция из трёх человек не вернулась. Бойцы должны были пригнать в город бронетранспортер. Беспилотник обнаружил их тела с множественными ранениями лежащими на обочине рядом с обгоревшим автомобилем. Понять, что случилось, было невозможно – салон «Уазика» выгорел, в огне погиб видеорегистратор и бортовой компьютер. Тогда на всякий случай войсковую часть, в которую направлялась группа, сожгли с помощью зажигательных бомб.

– Вы видите, насколько агрессивен окружающий мир! – Шеф собрал всех участников вахты, – Они убивают нас! Нас! Тех, кто является истинными хозяевами мира! Они прячутся в лесах, они приходят в Ничейные земли, даже не подозревая, что они наши! Что они хотят? Правильно! Они хотят перерезать нас и стереть наш город. Они везде, и с каждым годом их все больше! По неосторожности и нашему недосмотру они получили большое количество лишних для них знаний. И они пользуются ими отнюдь не в мирных целях! Восточный князь наращи-

вает потенциал. Он держит под негласным контролем южан, засылая в их дикие земли блага цивилизации. Из непокорных воинов южные войска превратились в ручных псов князя. Это война, и нам в ней не выиграть, если мы будем только обороняться и прятаться за стены! Мы хотели тихо раствориться в мире новых людей, но мы для них лишние. Они не доросли до того, чтобы принять нас, но научились сражаться!

В тот день было принято решение увеличить количество участников вахты вдвое.

Рите, дабы не быть бессмысленным балластом, да ещё и с ребенком, пришлось освоить новую профессию. Она вошла в бригаду криомедиков. Именно ей пришлось выводить из холодного сна понадобившихся шефу людей.

Она с интересом наблюдала, как за несколько минут из искусственной вечной мерзлоты люди возвращались в реальный мир.

Ей пока не пришлось самой прочувствовать криогенный сон. В тот день, когда она должна была на долгие годы залечь в стальную капсулу, медицинские анализы показали характерное изменение гормонального фона.

– Рита, я могу ошибаться, но, кажется, вы беременны.

– Что? – Рита лежала в капсуле, ежась от холода, – В каком смысле?

– Я не могу быть уверена точно, – Агния наклонилась к ней, – Нам нужно провести дополнительное обследование.

Рита вылезла из криокапсулы и завернулась в протянутой ей покрывало.

– Но, у меня… Погодите! А где Мефодий? Можете его привести? Он, получается, отец…

– Погоди, Рита, – к ней подошёл Андрей, – возможно это не так. У нас отличная диагностическая аппаратура. Мы сейчас все заново проверим, и там видно будет.

Риту отвели на второй этаж. Агния передала ее милой женщине-врачу Варваре:

– Вообще, у нас здесь практически невозможно забеременеть. Мы используем таблетки, которые исключают эту возможность.

– Но, я никаких таблеток не ела. Да и можно ли определить беременность сроком в два дня?

– Тридцать лет назад это было практически нереально. Только по косвенным признакам, но сейчас запросто. Мы же не просто сидим и пережидаем! Наш Шеф в том мире финансировал очень много передовых проектов, в том числе и медицинских. Мы постепенно собрали оборудование и сейчас имеем поистине фантастические возможности.

Окна кабинета Варвары были плотно зашторены. Она жестом пригласила Риту лечь на кушетку. На улице что-то хлопнуло.

– Что это?

– Не знаю, – ответила Варя, – может быть, испытания чего-то. Или учебные стрельбы.

– Ага…

Беременность подтвердилась. Диагностический аппарат ответил однозначно.

– И что теперь? – Рита не до конца понимала, как ей относиться к этой новости. Тем более в той ситуации, в которую она попала: одна в непонятном мире с непонятной перспективой заморозки. Или беременным нельзя?

– Так, а что с криосном?

– Да, вот, даже не знаю, – Варвара повернулась на стуле и посмотрела на Риту, – как думаете, нужно сохранить ребенка, или…

– Конечно, сохранить!

Она сама не ожидала, что ответит так однозначно. Рита периодически прокручивал в голове сценарий, что будет, если она забеременеет. Конечно, прокручивать его, если живешь с мамой и папой легче, чем если ты лежишь на кушетке в бывшем дворце спорта, добравшись сюда на танке и увидев, как отец твоего ребенка победил двух боевых роботов.

– Я думаю, вам надо пообщаться с нашим главным. Одевайтесь.

Вещи Рита принесла с собой. Она быстро натянула их на себя.

– Пойдем…

У дверей кабинета их ждал Андрей.

– Как я понимаю, все подтвердилось?

– Да, – ответила Варвара, – Рита намерена сохранить ребенка. Думаю, ей нужно пообщаться с Шефом.

– Чуть позже. У Шефа врачи. Пока, Рита, давай пройдем в столовую и пообщаемся.

– А где Мефодий?

– Вот на эту тему и пообщаемся.

Что-то нехорошее кольнуло Риту. Какое-то предчувствие или что-то похожее… Она даже не знала, как объяснить это чувство. Чувство боязни услышать то, что она итак знает. Неспроста это все.

Сев за столик, Андрей положил руки перед собой и посмотрел на девушку:

– Рита, возможно, то, что я скажу, заставит тебя пересмотреть взгляды на твою беременность.

– Что?

– Отец ребенка Мефодий, так ведь?

– Ну, получается, что так.

– Мефодий несколько минут назад совершил огромную глупость. Он напал на Шефа, вырубил его и угнал вертолет.

– Зачем?

– Хороший вопрос. Шеф передал, что это была какая-то необоснованная вспышка ярости. Он угнал вертолет, но не передал цифровой код безопасности. Короче, чтобы не ходить вокруг да около… Сработала автоматика, и один из наших беспилотников сбил его над лесом. Шансов выжить не было. Машину объяло огнем, и она рухнула вниз.

– Вы хотите сказать, что Мефодий погиб?

– Да, – просто и без экивоков ответил Андрей, – Мы, конечно, можем отправить поисковый отряд, но это нецелесообразно. В таких ситуациях не выживают.

Сложно сказать, какие ощущения вызвали у Риты слова Андрея. Две огромные новости за десять минут. Одна о ребенке, вторая о смерти его отца. Чаши весов словно не знали сами, какая из них тяжелее. Равновесие и спокойствие. Но так же не бывает? Ведь должна же она хоть что-то почувствовать!

– Он сам виноват, – Андрей сделал паузу, – Понимаешь, в любом случае, даже если бы он благополучно улетел, вряд ли он вернулся бы сюда. Своим поступком он отвернулся от Гали, Макса, от тебя и от всего нашего мира. Он сбежал.

– Да, я понимаю, просто столько всего и за такой короткий срок. Ведь он действительно помог нам выжить и вернуться к вам. И этот ребенок… Это все, что от него осталось.

– Думай глобальнее. От него остался весь окружающий нас мир таким, каким мы видим его сейчас. Кто знает, что было бы, если бы не тот роковой выстрел? Быть может ты бы погибла, как и все человечество. А, может, ничего бы не случилось, и мы бы жили сейчас в совершенно другом мире. В мире, где энергоресурсы перестали бы быть разменной монетой в геополитических играх. Подумай об этом.

– Я не хочу думать о настолько далеких вещах. Я смотрю на ситуацию, исходя из того, что произошло, и того, что приключилось с нами за последние несколько дней.

Копаться в первопричинах было глупо. Возможно, если бы Царь Петр не основал когда-то город на берегах Невы, все было бы совсем не так. И, что? Винить Петра Первого в уничтожении человечества? Или винить родившую его женщину? Или тех, кто возвел Романовых на престол?

– Ну, дело твое. Шефу уже сообщили о ситуации с тобой. Он вызовет.

Будто услышав Андрея, хрюкнула рация на его ремне:

– Андрей, приведи девушку.

– Вот, видишь!

Пешком они поднялись на четвертый этаж. Подойдя к одной из дверей, Андрей постучал.

– Заходи.

Войдя в кабинет, Рита несколько удивилась. Зачем самый главный обосновался в той самой гримёрке?

Шеф сидел за столом. Его голова была перевязана бинтом, а в самом кабинете пахло нашатырем.

– Андрей, подожди снаружи, а вы, Маргарита, присаживайтесь.

Сев на стул перед Шефом, Рита огляделась. Тут многое изменилось. Из пристанища творцов гримёрка выродилась в номенклатурное логово со шкафами, папками и картой на стене.

– Меня тут зовут Шефом. Я к этому привык и воспринимаю это как имя. О вас я знаю практически все, кроме, может быть, совсем уж интимных подробностей.

– И?

– Вы сейчас в положении. Это проблема. Знаете почему?

– Нет.

– Криосон противопоказан беременным. И не только беременным. Дети до 14—15 лет также не могут воспользоваться этим благом остатков нашей цивилизации.

– Я думаю, что ничего не потеряю, если не лягу в вашу капсулу. Если вы об этом, конечно, хотите меня спросить.

– Вы твердо намерены родить?

– Уж точно я не собираюсь делать аборт или что-то такое.

Шеф молча встал из-за стола и повернулся к окну:

– Знаешь, я сам сейчас на распутье. С одной стороны, опираясь на факты об окружающем мире, я мог бы насильно медикаментозно спровоцировать тебе выкидыш, а потом усыпить. Все показатели у тебя в норме, ты бы и сама не заметила, как уснула в капсуле.

– Что вы такое говорите? – Рите стало страшно.

– Но… – он сделал театральную паузу, – Мне не чужды идеи гуманизма. Тем более, что наших осталось не так много. Я говорю о людях погибшего мира. И убийство нерожденного представителя новейшего поколения для меня кажется не лучшим выходом. Однако решать только тебе. Что тебе предпочтительнее – за секунду перемахнуть в светлое будущее, в котором нам не нужно будет прятаться за стеной, или долгие годы делить с нами все тяготы и лишения нашего повстанческого образа жизни.

– Повстанческого?

Шеф снова сел за стол:

– Да, именно так. Пока мы влияем на этот мир, но придет время, и мир постарается начать влиять на нас. Я очень надеюсь, что все пройдет без кровопролития, но сначала твой отец, а потом ты и твои друзья обеспечили новых людей такими знаниями, которые сейчас в их руках как граната в лапах у обезьяны. И если бы не это, можно было бы предположить естественное развитие событий, но сейчас они без разбора кинуться читать книги, мешая Ленина с Дональдом Трампом. Понимаешь? Ты представляешь, какую кашу в их головах вы заварили?

– Скажите, – резко перевела тему Рита, – почему Мефодий напал на вас?

– А пёс его знает, – Шеф махнул рукой, – Видимо, он посчитал, что интересы человечества ниже его собственных. Заметь, он не убил меня, хотя мог. Он не пошел вытаскивать вас, хотя это было бы, как мне кажется, в его стиле. Он просто сбежал по вентиляции. Как крыса.

– На него не похоже это…

– Чужая голова, как ты сама понимаешь, потёмки. Он же бывший военный. Видимо где-то во время очередного государственного переворота в каком-нибудь африканском княжестве он всё-таки отбил остатки мозга.

– Понятно. Но относительно ребенка я уверена. Я думаю, что смогу его воспитать. Да и на произвол судьбы вы нас не бросите.

– Это-то да. Я распоряжусь о предоставлении тебе жилья. Прости, но первое время ты будешь жить с зарешеченными окнами и запертым замком. Скажем так, считай, что у тебя будет испытательный срок. Скажи мне вот что… А что ты умеешь?

– Ну… Вообще, я разбираюсь в строительстве и учусь на программиста.

– Ох, – шеф почесал лоб, – Вот совершенно ненужные нам здесь навыки. Тем более, что программное обеспечение давно не такое, каким было тридцать лет назад, и языки программирования иные. Ладно, придумаем, чем ты можешь быть нам полезна.

Шеф взял со стола рацию:

– Андрей, бери Риту, отведи в жилой сектор. Режим «Б».

Дверь открылась:

– Пойдем?

Ей выделили однокомнатную квартиру на пятом этаже одного из двух домов у дворца. В квартире было все необходимое: постель, мебель, стиралка и электроплитка. Заведя Риту в квартиру, Андрей запер снаружи дверь, а минут через двадцать вернулся с пакетом продуктов и рацией:

– Это связь. Первый канал – охрана, второй – мой.

Свою первую ночь в городе Вечных Рита не помнила. Она вырубилась, только положив голову на подушку.

Не уснуть ей было во вторую. Столько всего! Совершенно удивительный и, кажется, враждебный мир со своими законами. Эта беременность, смерть Мефодия. Как бы это все собрать в одно! Ей нужно стать полезной здесь. Не сидеть же в одиночестве, пока не родит!

Что она сама хочет? Вот, через девять месяцев родится мальчик. Или девочка. Что она даст своему ребенку? К чему его нужно готовить? К тому, что его заморозят, и он проснется в будущем? Но до этого ему нужно дать какие-то знания, что-то рассказать о том, кто он и какое место у него в мире…

Илларион родился в начале мая. Здоровый мальчик с удивительно умными глазами.

За полгода до этого Рита стала осваивать новую профессию. Агния учила ее основам крионики. Это было интересно.

Каждый день Рита приходила в зал, дежурно здоровались с капсулами Максима и Гали и садилась за один из столов.

Она слушала инструктажи, отвечала на вопросы, смотрела видеозаписи, читала отчеты. Это было похоже на курсы медсестер, однако, если врач помогает сохранить жизнь, то крионист обманывает её, возвращая из небытия того, кто без него и технологий, что находятся в его власти, точно давно бы считался мертвым.

В тот день, когда не вернулась экспедиция, отправленная за бронетранспортером, и было принято решение вывести из сна еще сорок человек, Рита ощутила некоторое волнение. Всё-таки одно дело заниматься на тренажере, а другое – увидеть, как открывает глаза живой человек.

Илларион остался с вызвавшейся быть няней Варварой:

– Знаешь, Рита, – как-то сказала она ей, – мне действительно нравится сидеть с твоим ребенком. Я сама очень хочу детей и, если честно, боюсь…

– Чего боишься?

– Боюсь, что наша попытка выжить тщетна, боюсь, что мы так и не проснемся в обновленном мире. Сейчас для меня твой сын – это как символ надежды, смысл и реализация меня как женщины.

Когда Рита вошла в главный зал Дворца, там уже была Агния и еще два сотрудника криослужбы. Агния сидела перед главным компьютером. Перед ней на столе лежал лист с фамилиями, личными номерами и должностями:

– Интересно, что Шеф отобрал только силовиков, – она посмотрела в сторону Риты.

– Видимо, он напуган ситуацией с теми тремя… – застегивая халат, Рита подошла к ней.

– Это-то понятно, но, понимаешь, вахты сбалансированы примерно одинаково, а сейчас мы поднимаем охрану последующих двух. Что будет, если с ними что-то случится? Как мы обезопасим другие смены?

Рита подошла к железным капсулам Риты и Макса. За толстыми стеклами были видны их застывшие в холодной безмятежности лица.

– Ты помнишь, что нужно делать?

– Да, Агния, конечно. Всё просто. Мы вводим в главный компьютер и компьютер-дублер номера капсул, присваиваем им свойство «подъем» и ждем. Если что-то идет не так, до того, как проходит тридцать процентов процесса, отменяем его и погружаем человека обратно. Если в процессе пробуждения у человека начинаются судороги, то вводим препарат. Если человек ведет неадекватно, вводим успокоительное.

– Так просто, – улыбнулась Агния, – вот так в пару предложений ты умудрилась уместить огромный багаж знаний, полученных за несколько лет твоей стажировки. Хотя, это только кажется. Есть внештатные ситуации, и о них ты вспомнишь только тогда, когда они произойдут. Дай бог, чтобы не произошли…

Рита представляла себе сознание огромным складом, в котором каждое новое сведение подхватывает некое существо, которое кладет его на полку. По прошествии времени существо перекладывает это знание все дальше и дальше. Потом, когда знание не востребовано долгое время, существо прячет его в самый дальний угол вместе с такими же почти забытыми сведениями. Существо составляет карту одного дальнего угла, потом другого. Полученные схемы оно закрывает в особый шкаф, а потом создает карту шкафов с перечнем схем хранения в каждом, и так далее. В итоге, когда вдруг случается потребность в каких-то сведениях или воспоминании, оно берет карту, находит шкаф с планами, на нужной полке находит необходимую схему и по ней идет к нужной полке. Когда Рита как-то рассказала Шефу о том, каким она представляет сознание, тот улыбнулся:

– Ты почти права. А ещё, я скажу тебе такую штуку, эти существа иногда ходят друг к другу в гости и даже обмениваются картами.

– Как так?

– А ты никогда не думала, каким образом практически одновременно Ньютон и Лейбниц открыли дифференциальное и интегральное исчисление, почему в 1839 году Луи Дагерр в Париже и Генри Фокс Тальбот в Лондоне независимо друг от друга продемонстрировали изобретенные ими фотоаппараты. А знаешь ли ты, что Белл считается изобретателем телефона лишь потому, что он пришёл в патентное бюро на два часа раньше Илайши Грея, который решил запатентовать в точности такое же изобретение. К слову сказать, Белл сам признал, что он изобрел телефон благодаря, как ни странно тому, что ничего не понимал в электротехнике.

Сорок капсул. Сорок субъективных машин времени, в которых мгновения замирают, и человек перескакивает через годы. На главном мониторе сорок фамилий. Несколько кликов мышью и кнопка «Запуск».

Напротив каждой фамилии появилась шкала с цифрами, похожая на шкалу загрузки. Цвет шкалы отображал медицинские показания. У всех зелёный. Это хорошо. Это значит, что никто не умрет.

Капсулы зашипели и через несколько минут открылись…

Рита подошла к одной из них и попыталась в абсолютно безэмоциональном лице человека увидеть хоть что-то. Нет, лишь холодная пустота. Страшная пустота вечного сна.

Глаз человека дернулся, губы задрожали, и смерть, гостившая здесь долгие годы, отступила. Лицо человека преобразилось. Мускулы заиграли. Он перестал быть похожим на куклу. Красивый мужчина лет тридцати с карими глазами.

– Он открыл глаза!

– Вытаскивай скорее иглы.

Несколько движений. Рита замерла, глядя, как человек садится:

– Оу, что так холодно-то? – человек улыбнулся. Мы прилетели или вахта?

– Вахта… Наверное.

– Вот так я и знал, что хрен мы проснемся в новом мире. Сколько лет я спал?

– Ой, я не знаю. Надо у Агнии уточнить.

В зале появился Андрей. Он толкал перед собой тележку с какими-то коробками:

– Это их одежда. Рита, тебя не смутит вид такого большого количества обнаженной мужской натуры? Я бы на твоём месте к ребенку отправился. Ты выполнила свою миссию на сегодня.

Ничего не ответив, Рита пошла к выходу.

Дома она пила чай с Варей. Илларион сопел в кроватке.

– Как он себя вел?

– Покапризничал немного, поел, пытался оторвать кусок обоев. Все как всегда.

– Понятно.

– А как у тебя прошло?

– Жутковато. Понимаешь, я увидела, как оживает человек. Я смотрела в его лицо, а он… Он даже не поздоровался, – последнее уточнение прозвучало глупо, но без него Рите было сложно описать свои эмоции.

– Знаешь, лучше смотреть, как жизнь приходит в тело, чем, когда она его покидает. У меня умер один пациент. Где-то за месяц до того, как ты появилась. На него волки напали. Разодрали всего. И самое страшное, что он понимал, что уходит от нас. И, знаешь, он попрощался со мной. Умер, не закрывая глаз. Лицо вдруг расслабилось, стало каким-то кукольным и безвольным. Я потом всю ночь проплакала и долго не могла прийти в себя. Так что, ничего страшного, что не поздоровался. Гораздо страшнее, когда прощаются.

Слова Вари гулко отозвались в голове Риты. Ведь Мефодий даже не попрощался с ней. Знал ли он, что они больше не увидятся? Когда он решил сбежать из дворца? В какой момент в его голове созрел этот план? Да и есть ли в этом какая-нибудь разница, что и когда он задумал! Они были знакомы всего несколько дней. Дней, которые изменили сначала историю этого мира, а потом и ее собственную…

– Скажи, а драконы добрые или злые? – вопрос Иллариона выдернул Риту из нахлынувших воспоминаний.

– Эти? – она кивнула в сторону окна, за которым внизу бригада техников снимала защитный кожух с одного из двигателей беспилотника.

– А, что, бывают разные драконы?

– Все бывает, Ларик. И люди плохими и хорошими тоже бывают.

– А я, когда вырасту, тоже усну в железном ящике?

Рита ничего не ответила. Она подошла к столу, взяла с него стакан с водой и сделала глоток.

СИТУАЦИЯ

– В общем, началось все с того, что я попал в одну нехорошую ситуацию, – Мефодий отставил пустую тарелку, – Увидел кое-что, что не должен был видеть, поучаствовал там, куда соваться было совершенно не нужно.

– Интересное начало, но не совсем понятное, – Дмитрий Сергеевич достал из кармана штанов пачку сигарет, – Будете?

– Давай, – Мефодий протянул руку, – Несколько лет не курил. Вредная привычка, конечно, но это все-таки, чуть ли не единственная связь с тем миром.

– И дым отечества нам сладок и приятен, – процитировал старик то ли Пелевина, то ли Лермонтова.

– Я спас Шефа. И он, в знак благодарности, взял меня на работу. Трудился я на него с полной самоотдачей и совершеннейшим наплевательством на уголовный кодекс. Наверное, если бы меня взяла полиция, я бы и не припомнил всей дичи, которую творил. И людей похищал, и долги выбивал, стрелял, резал ножом и прочими режущими предметами. Преступник и хладнокровный исполнитель.

– Прямо так?

– Ну, да. Очень долго рассказывать, как я докатился до всего этого, но на тот момент это было единственным способом не сойти с ума от одиночества и безнадеги. Кто-то пьет, а кто-то, как я. Я прекрасно понимаю, что по всем законам меня нужно закрыть где-нибудь в Соликамске до конца дней, но сейчас некому это сделать. А в том мире мне крупно везло. У меня было несколько коллег. Кое-кто даже круче меня был подготовлен в спецназе и прочих подобных структурах. Практически все на подобной работе попадались. Теперь их, как я подозреваю, вовсе нет. Я имею в виду после того, что случилось с миром. А я, вот, сижу, макароны жру. И, знаешь дед, не знаю, что лучше – исчезнуть в одно мгновение, или прятаться по лесам и воевать с медведями.

– Это все софистика, давайте ближе к делу.

Дмитрий Сергеевич курил нечасто, отчего первая затяжка не получилась. Организм будто намекал ему, что не нужно запихивать в него порцию канцерогенов и прочей гадости. Вторая далась легче.

– Короче, подставил меня Шеф и послал плохих людей и, как оказалось, плохих профессионалов, со мной расправиться. Хотели меня взять на одной квартире, но я сбежал. С оружием и стойким желанием выжить.

Мефодию очень не хотелось даже в воспоминаниях возвращаться в тот день. Он не помнил деталей, но это и не нужно помнить. Акцентируясь на деталях, можно перестать видеть цель. Какая разница, сколько ступенек ты преодолел – важно, что ты поднялся на нужный этаж. В воспоминаниях все выглядело, как нарезка по типу такой, которую показывают перед новой серией многосерийного фильма. Вот он бросается со второго этажа, вот – стреляет. Что потом? Кажется, там была машина и магазин с одеждой. Балкон, где он курил, глядя на помойку, непонятно откуда взявшееся желание выпить, ларек с хот-догами и кафе во Дворце Спорта…

– Понимаешь, дед, когда чувствуешь себя загнанным зверем, то все твое существование направлено на то, чтобы сохранить жизнь. Я в те моменты думал, что если вырвусь, то обязательно уеду, сделаю новые документы, исчезну из страны. Я не хранил деньги в банке, и меня невозможно было бы вычислить по счету или что-то такое. Нужно было сбежать, добраться до съемной комнаты, которую я арендовал специально для того, чтобы спрятать деньги, а дальше с попутчиком уехать в какой-нибудь город, откуда можно переправиться, например, в Таиланд или Камбоджу.

– Мефодий, почему вы постоянно будто бы оправдываетесь? Я ни в чем вас не виню. Я просто хочу знать, что случилось с вами после перемещения.

– Я заскочил в гримерку к тому музыканту, пугнул его и девушку-блогершу, выстрелив в потолок. Потом Макс дернулся, я сделал ещё два выстрела. Дальше все как-то очень мутно. Помню, как лежу и смотрю на разлитый сок и смешивающуюся с ним кровь. Не самое приятное зрелище. Особенно, если понимаешь, что эта кровь – твоя. А дальше пустота и безвременье. Было ощущение, будто меня завернули в одеяло и бросили в невесомость. Странное такое ощущение. Очнулся я, услышав болтовню твоей дочки и Макса.

– Ты понял, что ты умер?

– Нет, конечно. Там было не до этого. Мы лежали прикованные наручниками в комнате. Потом пришли люди в камуфляже…

– Вы попали к южанам?

– Знаешь, вот они как-то не представились. Потом, конечно, князь рассказал, что это люди южных земель, но сразу, сам понимаешь, мы этого не знали.

– Кто был князем тогда?

– Он назвал себя Леонидом. Такой… Видно, что хитрый человек. Знаешь, смотришь на него, и, вроде, простой такой дядька, а всё-таки чувствуется двойное дно.

– Леонид объявил войну Вечным, – Дмитрий Сергеевич налил ещё чая. – При нем, конечно, многое изменилось. Сейчас в Восточных землях правит молодой и амбициозный Павел. Он родился четыре года назад, а два с половиной года спустя занял место своего погибшего при неустановленных обстоятельствах брата. Сам Павел пустил слушок, что это Вечные его убили, и объявил освободительную войну. Он окончательно подавил какие-либо зачатки суверенитета южан и назначил в каждом из поселений своего владыку-просветителя.

Мефодий вкратце рассказал Дмитрию Сергеевичу, как его, Риту, Галю и Макса погрузили в запряженный лошадьми автобус, как на повозку напали лучники, как лучники потом взяли их в плен и привели в Восточное городище.

– Потом с нами говорили какие-то люди, которые попросили нас научить их тому, что мы умеем. Я несколько растерялся – всё-таки я практик, да и привык к автомату, а не к луку и саблям, или, что там у них. А вечером у нас была аудиенция у Леонида. Он-то и поведал нам в общих чертах о том, как устроен этот мир, и как мы сюда попали.

– Он показывал вам газету?

– Да, у него лежал номер со статьей об убийстве во дворце. Ещё он говорил о том, что это сам Вечный Ренегат снабдил его знаниями о нас и все такое.

– Да, поняв, что я имею все шансы не дожить до вашего появления здесь, мне пришлось несколько вас мифологизировать и придумать вам роли незаменимых учителей.

– Зачем?

– Иначе вас бы грохнули как чужаков. Я очень беспокоился о Рите. Правда, год за годом я все больше терял веру в то, что вы окажетесь здесь. Наверное, зря. Мог бы триумфально вернуться в день вашего появления, но это было невозможно – я не знал точной даты и места, где вы материализуетесь, не успел уточнить у физиков. Да и уверен в том, что это случится, не был. Верил, но не знал наверняка. Как я понимаю, что вы совсем недолго пробыли в тех землях. Иначе бы я узнал. У меня примерно в то время там был свой осведомитель Илья. Но он мне не докладывал ничего подобного, а потом и вовсе умер…

– После того, как мы рассказали им кучу важного и интересного, они решили убить нас. Снова пришлось бежать, прихватив с собой старенький танк. А Илью они приговорили и казнили. За диссидентство.

– Печально. Интересно, что вы уехали на танке, а не просто сбежали.

– Чем же это так интересно?

– Я так понимаю, это был Т-34. Когда я выбирал место для строительства городища, то с отрядом местных нашел его в гараже в лесу. Видимо планировали поставить на постамент. Я тогда все не мог выбрать, где же им обосноваться. Танк меня очаровал. Как вы его завели?

– Военная хитрость, – улыбнулся Мефодий, – но будешь смеяться, если бы не Галя, вряд ли мы бы с этим справились.

– И вы на этом самом танке куда поехали?

– Мои подозрения о том, что Вечные это не боги, а остатки нашей цивилизации крепчали. А потом, когда мы оказались в ситуации погони и угрозы быть сожженными, отравленными или расстрелянными, я подумал, что если мы не поладили с южанами и людьми востока, почему бы не попробовать подружиться с кем-нибудь ещё. Правда, первый контакт вышел не очень хорошим – я сломал их боевых роботов.

Мефодий замолчал. Он несколько лет периодически возвращался к тому эпизоду. Геройство или безрассудство? Что это было?

Геройство и безрассудство идут рука об руку. Когда человек, не задумываясь, бросается в горящий дом, чтобы спасти ребенка – что это? Наверное, все зависит от итога. Если человек погибает, то это результат необдуманного поведения, а если выходит из огня с малышом на руках, то он становится героем! Вообще, с чем связаны такие поступки? Может быть, включается то, что можно назвать коллективным разумом?

Геройство направлено на то, чтобы сверхусилием достичь цели. Рискуя жизнью и позабыв об инстинкте самосохранения. Интересно, что в случае стихийного бедствия героями будут спасатели, а не тот человек, который, например, на свои деньги арендует вертолеты для их доставки к месту трагедии и зафрахтует суда для вывоза мирных жителей. Героический поступок физиологичен. Герой не тот, кто заболтает гопников и отдав им сто рублей сбережет честь и достоинство девушки, а тот, кто после стычки с ними будет лежать с переломанными ногами. На войне каждый солдат становится героем, спасая свою страну. Защитник всегда преодолевает, и преодоление внешних обстоятельств ценой собственной жизни или здоровья воспевается и восхваляется. И все равно, главное – это итог. Есть такая народная мудрость, что победителей не судят. Человеку простят его безрассудство, когда он достигнет цели и назовут глупцом, если он не сможет сделать этого. Так рассуждал Мефодий, понимая, насколько безумным и иррациональным было его нападение сразу на две боевые машины.

– Попав за стену города, мы узнали обо всем, что случилось с этим миром. Нам показали фильм с динозаврами…

– Динозаврами?

– Ну, да. С трицератопсом на берегу озера.

– Ох, ты ж, – улыбнулся Дмитрий Сергеевич, – Использовали-таки…

– …рассказали о криокамерах, о вас, ну и все такое. А потом выяснилось, что во всем этом замешан тот человек, который меня хотел убрать. Правда, он свалил это все на какого-то депутата…

– Сергея Пантелеевича?

– Честно говоря, я не помню, как его назвал Шеф, да и называл ли его вообще хоть как-нибудь. И снова у меня был выбор – выжить или умереть.

– А Рита, Галя и тот музыкант?

– Насколько я понимаю, что они благополучно погрузились в криогенный сон и сейчас летят в холодном безмолвии через время.

– Как ты сбежал? – перешёл на «ты» старик.

– Я угнал вертолет. Правда, далеко улететь не удалось. Меня подбили. Но у КА-50 есть такая штука как катапультирование – невероятная, кстати, опция для вертолета!

– Да, слышал про такое. Там ракета выстреливает, вынося пилота. И лопасти отстреливаются, чтобы пилота не разрубило. Читал об этом когда-то.

– Вот-вот, – в глазах Мефодия появился блеск, свойственный блеску глаз собеседника, когда разговор уходит в сторону очень интересной ему темы, – Там же разработки велись такие, что закачаешься. Проблем еще много было. Типа того, как выполнить отстрел винта в том случае, если винт при других условиях выдерживает попадание из, пулемета, например…

– Прости, перебью, давай всё-таки ближе к делу. Итак, ты катапультировался. Было это примерно четыре года назад. Рита с друзьями спят, а ты чем занимался все эти годы?

– Ну, история, в общем-то, может и занятная, но бессмысленная. Я занимался выживанием и приспособлением. Нужно было понять, что в этом мире и как работает, какие законы действуют, какова реальная расстановка сил. И первые, кто мне помогли в этом – это южане, которые подобрали меня в лесу.

– Ты попал в плен?

– Нет. На плен это было похоже меньше всего. Они выходили меня, под моим чутким руководством залечили переломанную руку и, вообще, оказались довольно милыми ребятами.

В то дальнее поселение Мефодия привезли на телеге, запряженной старой и некрасивой лошадью. Он не сопротивлялся, когда его связали, прекрасно понимая, что для них он потенциально несет вполне конкретную угрозу – чужак, прилетевший со стороны города Вечных на железной птице!

То, что это южане, Мефодий понял по их одежде и оружию – старый полевой камуфляж и арбалеты.

Поселение их пряталось в лесах на развалинах какого-то старого детского лагеря. Судя по всему, лагерь был заброшен еще до обнуления. Скорее всего, он был удален с карт и поэтому не уничтожен бомбардировками.

– Мне все равно, кто ты, но если ты докажешь, что можешь быть полезен нам и не накликаешь беду на нашу деревню, мы оставим тебя в живых, – на третий день в бывшую баню, где поселили Мефодия, зашла женщина, выглядевшая лет на пятьдесят. – Меня зовут Алена. Я управляю этой окраиной. У нас много проблем, и, коли решишь какую-нибудь из них или предложишь нам что-либо хорошее, мы рады будем принять тебя как полноправного гражданина, беглец!

Где-то через неделю Мефодию были разрешены прогулки по селению. На удивление, его очень хорошо приняли. Было ощущение, что это не воинственный народ, а какая-то дружественная страна.

– Мы отделились от основных земель, – рассказала Алена, когда он поделился с ней своими наблюдениями, – мы стали окраинной областью, подчиняющейся лишь основным законам. Главнокомандующий смекнул, что так будет лучше, нежели иметь в своих владениях растворенных по всем землям противников своего режима. Да, здесь собрались те, кто когда-то принял решение что-то изменить, и наши действия были активными и сильно беспокоили штаб. Но потом они арестовали в один момент всю верхушку нашего движения. Кто-то нас всех сдал. Но с нами пошли на диалог, результатом которого стало наше отселение. Мы вовлечены в торговые дела и, если что, можем рассчитывать на военную поддержку.

– Ого, прямо, автономная республика. И чем вы так полезны вашему штабу? Не легче было вас перестрелять или, собрав в одну избу, сжечь?

– Мы храним древний секрет, который одному из наших предков поведал Вечный Ренегат. Мы занимаемся разведением пчел и поставляем мед по всем землям. Мед имеет чудодейственные свойства, и никто кроме нас не умеет его добывать.

– Мед спас вас?

– Да. В наших легендах события того времени называют «Медовым бунтом». Главнокомандующий стоял перед выбором – убить нас и навсегда потерять это вещество или оставить в живых, но рисковать спокойствием народа. В итоге он выбрал третье – дать нам свободу взамен на поставки. Мы даём им мед, они нас не трогают. Мед дал нам свободу, но мы стали самой

нищей областью, поскольку у нас нечего покупать. Нам прислали оружие, а все остальное мы делаем своими руками: охотимся, растим овощи, ловим рыбу.

– Медовуху, кстати, не гоните?

– Что, простите?

– Не так важно, – Мефодий улыбнулся, – А как у вас с Восточным князем и Вечными?

– По местному закону наши земли являются отчужденными. То есть по договору восточные войска не могут сюда заходить, равно как и южане не имеют право находиться на определенных территориях Леонида. А Вечные иногда патрулируют с неба. Но у нас неплохая сигнальная система, и мы всегда знаем об их приближении. Приходится прятаться.

– Понятно. Так вот, насчёт моего вопроса про медовуху. Мне кажется, я знаю, чем вы можете заинтересовать окружающие земли. По договору вы ведь только мед должны отдавать бесплатно?

– Да. Именно мед.

– А есть у вас пшеница и чистая вода? Желательно из родника?

Наладить производство алкоголя оказалось несложно. Жители лагеря не совсем понимали, что делает Мефодий, но, попробовав получившийся напиток, были несказанно рады результату.

– Только, вот, Алена, я тебе советую своим людям запретить его употреблять. Это в целях вашей же безопасности. Напиток приносит радость, но это кажущаяся радость. На деле, выпив его, человек может совершить множество глупостей и стать, при определенных условиях, совершенно беззащитным.

– Ты хочешь сказать, что этот напиток является оружием?

– Как бы тебе объяснить. И да и нет. Человек сам решает, применять его против себя или обойтись без него.

Первую партию хмельного меда южным отдали бесплатно. Через неделю приехали их торговцы с товарами на обмен:

– Что вы хотите за ваш напиток? Мы привезли ткани и утварь. Готовы пригнать стадо коров за рецепт!

– Не, рецепт продавать не будем, – Мефодий, одетый в камуфляж, встретил их у ворот, – но гарантируем, что будем делать столько этого напитка, сколько потребуется.

– А ты кто такой? – один из торговцев посмотрел на него с подозрением. – Я тебя ни разу тут не видел. Пришлый откуда-то, что ли?

– Это наш гражданин, – Мефодий сам не заметил, как подошла Алена, – он правильно говорит. Рецепт напитка – это наше сокровище, но хватит его на всех!

Мефодий прожил в поселении полтора года. Жители были ему благодарны, но в один из дней к нему подошёл один из медоваров:

– Скажи, почему ты не стареешь?

– Спортом занимаюсь, – ответил Мефодий и в тот же день покинул лагерь. Неизвестно, как бы отреагировали на него, узнав, что он не просто странный беглец, а самый настоящий Вечный.

Вечные перестали восприниматься в этих землях как боги. Их железные птицы представляли опасность, но не казались чем-то сверхъестественным. Алена сама часто называла их крылатыми машинами, и этого определения вполне хватало для того, чтобы понять – Вечных здесь не боятся, их здесь ненавидят и при первой возможности свергнут их с ими же выдуманного трона.

– Потом, – Мефодий сделал паузу и посмотрел на старика, – потом я отправился в совершеннейшее автономное плавание. Разумеется, ты понимаешь, что я имею в виду. Нашел уцелевшую в лесах войсковую часть и оборудовал в подвале бывшего штаба себе что-то вроде

твоей землянки. Только без электричества. Хотя потом и оно появилось, но использовал я его совсем не так, как ты.

– Как ты его добывал?

– В садоводстве неподалеку на участке стояли старые ветряки. Больше от скуки, нежели из-за надобности я починил их. Разобраться в их устройстве было несложно. В части нашел четыре абсолютно целых бронетранспортера. Я смог зарядить их аккумуляторы и даже успел пару раз проехаться. С помощью нехитрых манипуляций очистил старое топливо, заправил. Словом, создал свой собственный автопарк.

– Что-то ты мне, Мефодий, какие-то невероятные истории рассказываешь.

Невероятные? Мефодий на секунду задумался. Интересно, почему то, что для одного человека – часть жизни, для другого – невероятная небылица? Так вот, послушаешь кого-то, а он и тех знает, и с этими знаком, и там был, а вот с той пару раз просыпался вместе… Послушаешь, и подумаешь, мол, ничего себе! Хорошо, если так, а то ведь можно для себя решить, что говоришь ты не с интересным человеком, а с вруном и фантазером. Самое интересное во всем этом то, что человек, рассказавший тебе все это, не видит в своей жизни ничего невероятного. Ну, да, сбежал от Сомалийских пиратов, ну да, совратил девственную престолонаследницу островного княжества, ну, да, купил на рынке старую карту и поехал в Анды за кладом, оставленным там беглым офицером Третьего Рейха…

– Знаешь, дед, может, мне на роду написано, взять на себя так много. Если бы я тебе про службу начал рассказывать, так ты бы и вовсе решил, что я имею излишне буйную фантазию. Нет, просто так случилось. Кстати, через год после того, как я обосновался в части, мне довелось столкнуться с Вечными. Они втроем приехали на джипе. Заметили меня. Я тащил охапку дров для печи, а они начали стрелять. Что-то говорить им и доказывать было глупо. Тем более, что Вечные меня в любом случае приговорили. Пришлось помахать топором. Потом я снял с них пару автоматов и побежал в часть. Было понятно, что скоро здесь будут беспилотники.

– И как? Прилетели?

– Да, через час. Они разбомбили всю войсковую часть, полили лес чем-то вроде напалма и подожгли. Я видел, как огонь сжирает не только деревья, но и тела их погибших товарищей. Они даже не удосужились их забрать.

Мефодий успел отогнать к песчаному карьеру два броневика. Поставив их под обрыв, он взорвал динамитную шашку, обвалив на них несколько сот килограммов песка. Вряд ли вечные эти заметили – вокруг и без того гремело много взрывов. Слишком много. В милитаристическом аду рвались на части деревья и разлетались камни. Сверху низвергались ракеты и стрекотали пулеметы. Может быть, Шеф совсем обезумел и решил истратить весь свой боезапас?

– Ну а дальше я окончательно осел в лесах. Раз в несколько месяцев я возвращался к БТРам, снимал с них аккумуляторы и с помощью все тех же ветряков подзаряжал их.

– Зачем?

– Трудно сказать. Два засыпанных песком броневика стали для меня чем-то вроде отправной точки жизни. Я прекрасно понимал, что они никогда никуда не поедут, но осознание того, что у меня есть две боевые машины с исправным оружием и боекомплектом придавало мне дополнительных сил…

Дмитрий Сергеевич прекрасно понимал Мефодия. Ведь он был таким же. Он тоже придумывал себе дела, дабы не потерять самого себя. Сначала он строил свой дом, а затем от руки стал рисовать подробнейшую карту здешних мест.

Человек не может ничем не заниматься. Когда-то давно один из его приятелей, найдя молодую семью, которой нужно было жилье, сдал им свою квартиру в одном из пригородов Петербурга, а сам уехал во Вьетнам. Денег, приходящих на его карту каждый месяц, хватало на то, чтобы снять себе небольшое бунгало и жить на берегу одного из местных озёр, ни в чем себе не отказывая: алкоголь, вкусная еда, местные доверчивые красавицы. Словом, мечта холо-

стяка! Работать он не хотел, да и не мог он устроиться в этой стране по специальности – вряд ли кому-то там мог понадобиться учитель русского и литературы!

Друг прожил за границей два года, а потом неожиданно вернулся в Россию и чуть ли не с первых дней вышел в школу:

– Понимаешь, Дима, – рассказал он ему, когда они случайно встретились в метро, – Я первые полгода кайфовал и ни в чем себе не отказывал. Жил на полную катушку – рай гедониста и ветреного повесы. А потом мне настолько опостылели все эти вьетнамские красотки, бары и пляжи! Просто, надоело. Удовольствие и полная свобода превратились в рутину. От жары и всего этого, казалось, что мой мозг разжижается. Понимаешь? Из веселого мое пьянство превратилось в грустное, упала планка качества жизни, мне было абсолютно все равно, где я и с кем. Короче, я вернулся сюда, чтобы просто не отупеть. Я не могу ничего не делать, а делать я умею только одно – учить детей.

Ещё через два года он женился на своей выпускнице, потом у них родилась двойня. Он был счастлив!

– Скажи, Мефодий, а как тебя занесло сюда?

– Можно сказать, что, случайно. Рано утром вышел из своего жилища, долго шел, радуясь морозному воздуху, а потом начался снежный буран.

– С какой-то целью шел?

– Скорее, с каким-то интересом. Так будет правильнее. Здесь недалеко должно быть садоводство. Я думал, что там можно найти что-то полезное.

– Да, есть такое. Но оно северней. Да и, если честно, все ценное, что там можно было найти, я нашел до тебя. Зато ты мишку встретил. Я уже несколько лет таких зверей здесь не видел.

– Ну, да. Не самая лучшая встреча. Хотя, если бы не он, может, мы бы и не познакомились.

Они оба замолчали. В камине потрескивали дрова.

– Ну, так, что, дед, теперь твоя очередь кое-что рассказать.

– Что именно?

– Допустим, как попасть во дворец. Есть же какой-то способ сделать это, не привлекая лишнего внимания.

– Ты уверен, что тебе это нужно?

– Да, – Мефодий ударил кулаком по своей ладони, – я не хочу, чтобы что-то произошло с Ритой и прочими. А, возможно, и всеми теми, кто остался жив после той катастрофы.

– Ну, слушай, – Дмитрий Сергеевич встал из-за стола и пошел к шкафу, утопленном в стенной нише. Вернулся он с нескольким листами бумаги, – Я тебе сейчас набросаю схему. Там все просто. Надеюсь, что люди Шефа не знают про это, и путь все еще открыт.

Где-то далеко завывал ветер. Вечерняя темнота протянула свои лапы и сомкнула пальцы на шее остатков холодного дня. В камине плясал огонь.

КНЯЖЕСКИХ КРОВЕЙ

– Пошла вон отсюда, – спихнув Аксинью с постели, прошипел Павел, – завтра приходи.

Аксинья встала с пола и, потирая ушибленное бедро, посмотрела на Князя:

– Вам не понравилось?

– Мне все понравилось, – Павел сел на кровати. – Дела у меня есть. Помимо тебя, как ты понимаешь, я надеюсь.

– Так, может, я здесь подожду? – Аксинья встала напротив окна, от чего ее формы только подчеркнулись в свете зимнего солнца.

– Одевайся и иди отсюда. Завтра приходи после обеда.

– Спасибо, Князь! – девушка бросилась в ноги к Павлу, – Я приду, приду, слышите!

– Вот дура-то, – князь поморщился. – Красивая, любястая, но дура. Иди домой и по пути зайди к Юре-воеводе. Пусть идет ко мне.

Надев сарафан, Аксинья засеменила к выходу из спальни.

Проводив девушку взглядом, Павел встал и подошёл к окну.

Зима в этом году какая-то совсем уж лютая. В легендах о таких ничего не было сказано. Разве что в книгах Вечных можно было найти что-то о подобных зимах: завывающий ветер, метель, холод такой, что кровь в жилах стынет. Уж не гневается ли природа за то, что Восточный народ присвоил себе чужие знания?

Павел слышал от отца и старшего брата о четырех чужаках, приходивших в эти земли четыре годовых цикла назад. Чужаки были умнее и, как выяснилось, проворнее местных. Они смогли уйти, оставив за собой, как гласит легенда, разрушения и боль.

Очень странная штука – легенды. Павел год назад собрал у себя свидетелей и участников тех событий. Все они были тогда молодыми бойцами и все, как один, рассказали, что чужаки умчались на железной и гремящей машине, вынырнув из огня. Павел читал о таких машинах в одной из книг. Машины эти назывались танками и использовались они для войны.

Кто знает, куда исчезли те пришельцы. Танк на дороге разбомбили железные птицы. Узнать, были ли там чужаки в тот момент, не представлялось никакой возможности. Может, и сбежали. Но это и не так важно. Главное, что они оставили после себя великие знания, которые помогут людям востока стать самым сильным народом этих земель.

Павел не мог сказать точно, где будут кончаться его владения в случае удачных походов. В старой книге он прочитал, что земля круглая. Она похожа на огромную ягоду, но, как ему показалось, это ерунда какая-то, а не знание. Может быть, древние цивилизации специально в своих библиотеках держали особые книги, предназначенные для того, чтобы запутать тех, кто будет жить после них? О, как же это сложно – вычленять истинное и распознавать ложь!

Натянув яркую красную рубаху и черные шаровары, Павел открыл створку шкафа и достал бутылку с золотистой жидкостью. Вынув пробку, он прямо из горлышка сделал несколько глотков. Чудесный напиток делают южане! И, ведь, не говорят, как. Чувствуется, что из меда, но каким способом они добились такой консистенции и, главное, эффекта, сложно было предположить. Ну и ладно! Хорошо, хоть, поставки стабильные, и есть, что на обмен дать.

В дверь постучали.

– Да, входи.

В комнату ввалился Воевода в облепленном снегом тулупе:

– Зверь ты, Павел! Отправил девку в такую пургу. Оставил бы тут, а послал бы стрельца.

– Да, к чему мне она, кроме, как в постели покувыркаться? Только мешает своими разговорами. А к тебе у меня дело серьезное есть.

– Какое, Князь? – Юра скинул тулуп прямо на пол, – Или ты решился-таки?

– Да, Юрий, решился я. Эта весна станет нашей весной. Я прочитал много книг о том, как вели войны наши предшественники, но остановился, когда стал читать про плюющее свинцом оружие. Пока у нас нет возможностей разобраться с ним, да и сколько у нас таких?

– Одиннадцать, но зарядов совсем мало. Не наступать нам с этими штуками. Пусть лежат как крайнее оружие обороны.

– Вот и я думаю.

Павел, начитавшись о древних царях, волей-неволей перенимал описанные писателями привычки. Каждое слово, что он говорил, он считал, должно быть весомым. Говорить мало и тихо. Молвить, а не говорить – вот оно слово княжеское!

– Думаю, также, что, как снег стает, отправлю твоих генералов в города наши и южные селения. Каждому дам я грамоту, которую передадут они местным главам. Будем трубить сбор и с разных сторон, но в одно время атакуем город Вечных. Будут потери. Воины будут гибнуть, и каждая смерть станет кирпичиком в стене нашей победы. Пока есть Вечные – они держат во власти страха наши земли, и в этом страхе теряется истинное величие моего народа.

– Как же поступим с Вечными?

– Того, кто будет против нашего, тех под расстрел или сечу шашками, а тех, кто поймет всю неблагоразумность сопротивления, сформируем в класс вечных учителей. Дадим им жизнь и неприкосновенность взамен на то, что они называют технологиями. Пусть они возглавят заводы, пусть они научат нас выплавлять металлы и добывать электричество!

О, электричество! Мечта восточного народа. Невесомое и невидимое простыми глазами запускает оно машины и дарит свет!

– Ты хочешь пустить Вечных в нашу империю?

– Я хочу их использовать, и ежели поймём мы, что они больше ничему нас не могут научить, избавимся от них. Ты сам знаешь, что вечных можно убить, как убили они первого просветителя Вечного Ренегата.

Юрий завороженно слушал Князя. В отличие от своего отца Павел казался насквозь нереальным человеком. Говорил он сложно и красиво. Речь лилась как весенний ручей, то жизнь давая, то снося преграды на своем пути.

За время правления Павла Восточные земли сильно изменились. Желая укрепить свою власть, молодой Князь выстроил целую систему. Восточное Городище и остальные поселения Павел разделил на районы по десять дворов, назначил старост, которые, в свою очередь подчинялись городовому. Городовых Павел назначал из проверенных и обученных грамоте и военному делу солдат личной Малой Княжеской Дружины. Дружина эта стала своеобразным трамплином к политической карьере, и если раньше молодежь нехотя шла в армию, сейчас приходилось отказывать части желающих – кто-то по здоровью не проходил, кто-то и вовсе был дурачком, наплевавшим на науки, но считающим, что только его мускул хватит для службы.

– Новобранцы! – приветствовал на осеннем строевом смотре солдат Павел, – Помните, вы – самые лучшие сыны нашего отечества! Вечные не хотели, чтобы мы знали и умели то, что знаем и умеем сейчас! Благодаря военной хитрости моего отца Леонида мы получили все это от пленных Вечных, пришедших сюда по пророчеству древнего просветителя Вечного Ренегата. Мы как стебли, рвущиеся сквозь щели между камней. Стебли крепчают и превращаются в мощные стволы, раскидав каменные глыбы! Очень скоро мы докажем, что мы есть – полноправные хозяева этой земли! Мы уже не боимся Вечных! Пусть они хоть черепа рисуют на своих железных птицах, но если раньше мы в страхе бежали врассыпную, то теперь в злобе уходим в укрытия. Они уже ничего не могут сделать с нами! Они начнут жечь города? Но у нас много городов и с нами ещё больше поселений славного народа южан. Мы здесь власть, а не мешающие нам жители Вечного Города! Они держат в своих руках множество достижений прошлого, и пришло время нам заполучить их!

В тот осенний день городская площадь потонула в одобрительных криках. Павел стоял на сколоченной из досок трибуне, возвышаясь над рядами солдат. Лицо князя было полно восторга и переполнено величием. Он чувствовал, будто за ним, прямо за его спиной клокочет черная непроглядная тьма Истории, и именно он призван осветить ее огнем своей власти и мощи.

– Павел, – вырвал его из воспоминаний голос Юрия, – ты давно был на могиле отца?

– Перед самым снегом, – ответил Павел, – Леонид был великим князем. Именно он не побоялся в открытую начать освобождение от Вечных. Мой старший брат слишком мягко правил. По-человечески мне жаль, что он не с нами, но как политик – я рад этому.

Павел замолчал. Юрий слишком много знал. Он постоянно ненароком напоминал о том дне, когда Антон был найден в лесу с топором, воткнутым в голову, а Павел стоял рядом, перемазанный кровью брата:

– Это… Это не я, – единственный живой наследник смотрел на солдата, – это не я…

– Да… – Юрий стоял с натянутым луком и целился в убийцу Князя, – конечно не вы, наследник. Разве вы бы убили своего брата?

– Нет, не убил бы, – Голос Павла вдруг стал тверже, – и ты сам видел несколько человек, прилетевших на железной птице, будущий воевода. Так ведь?

Юрию не нужно было ничего больше объяснять. Он ослабил тетиву и спрятал стрелу в колчан. Такое, ведь, бывает раз в жизни! Как было написано в одной старой книге, кто был ничем, тот станет всем.

– Понимаешь, солдат, ведь если ты скажешь, что это я, то княжеский род оборвется, и в борьбе за титул главы наших земель знать перегрызет друг друга. Тебе, максимум, подарят дом, но, скорее, дабы ты не баламутил воду, отправят служить в дальние поселения, где ты погибнешь в стычке с одичалыми племенами южан или бросишься со скалы от тоски.

– Верно говорите. Я прекрасно понимаю. Вечных мы не смогли остановить, сами еле ноги унесли.

– Вот молодец!

Павел планировал после коронации убрать Юрия, но тот оказался действительно смышленым и полезным. Простой лучник знал о тактике и войне больше, чем его начальники:

– Я много читаю, всю жизнь свою посвящаю тому, чтобы стать лучшим воином, – после первого строевого смотра, где он был представлен новым воеводой, рассказал Юрий. – Солдаты пренебрегают книгами, а офицеры лишь кичатся былыми заслугами.

Князь Леонид за четыре года до этих событий совершил ряд преобразований в армии, введя систему званий и поощрений. С одной стороны он добился большей дисциплины, но с другой – заставил солдат ради очередного повышения буквально выслуживаться перед старшими.

Леонид с войском несколько раз пытался взять Вечный город, но постоянно что-то мешало. То солдаты разбегались, увидев, как к ним навстречу летят железные птицы, то в ужасе отступали, видя как раскаленные капли металла с грохотом и треском буквально разрывают их товарищей на куски. Кровь, дым, паника и никакой организации.

Леонид ушел вовсе не героически. Он не погиб в походе, не сгинул в плену. Он умер в постели с красивой женщиной, но перед самой смертью смог дать начало новой жизни. Через месяц родился Павел. Старший брат Антон стал ему как отец. Он взял в жены молодую любовницу Леонида, и больше ни у кого не возникло никаких сомнений в том, что Павел княжеских кровей. Возможно, если бы не это, он бы так и остался бастардом, но вышло все так, как вышло.

Антон, несмотря на кажущуюся воинственность, всё-таки не стал продолжателем дела отца. Нет, он нигде не говорил, что война закончена. Он просто сакцентировался на совсем других вещах: выбрал из читающих людей учителей, создал школы. Но пока люди читали книги и изучали странные науки, Вечные продолжали уничтожать все вокруг. Правда, периметр их

деятельности существенно расширился. Теперь лишь по отзвукам взрывов можно было догадаться, где идет бомбежка.

– Друзья! – Антон любил так обращаться к жителям своих земель. – Мой отец смог добыть нам самое ценное, что может дать князь. Он открыл нам науки и искусства. Он недооценил силу творчества, но я познакомился с музыкой, я познакомился с тем, что такое стихи – и это прекрасно! Он ошибался, изгоняя тех, кто решил освоить эти искусства, и мы должны наверстать то, что так неосмотрительно упустили. Я призываю вас всех идти в наши школы, где вы постигните чудо творчества и радость познания. Это поможет нам найти диалог с Вечными. Пока мы с ними в состоянии войны, но сколько можно терять наших людей, нападая на неприступную крепость? Сколько можно подставлять мужей и сынов под раскаленные стрелы и небесный огонь? Вечные сильнее и умнее нас, и наша цель не воевать, а стать наравне с ними.

Толпа в ответ выдохнула раскатистое «Ура!».

Всем надоела война. Жители городища, дальних селений и подвластных земель юга не понимали, той настырности, с которой князь ведет людей на Город Вечных. Тем более это было непонятно в свете того, что Вечные ни разу сами не напали, они лишь отражали атаки.

После того выступления Антон с Павлом пошли прогуляться в лес.

– Как ты не понимаешь, что Вечные нам не друзья? Они имеют кучу того, что нам нужно, и нам надо просто взять это, не боясь, что нас за это покарают, сожгя какую-нибудь деревню.

– Ты ещё слишком молод, Павел. Политика нашего отца привела к тому, что мы потеряли много хороших воинов. Воинов, которые так и не были нормально обучены…

– Так надо обучить их! – перебил его Павел, – объединить знания Вечных с нашей решительностью и показать, кто хозяева мира! Мы здесь власть, а не они. Нужно взять их город, присоединить западные острова, и тогда мир будет вечным и непоколебимым.

– Ты думаешь слишком примитивно. Они умнее, и если мы возьмём их силой, то они все равно победят нас знаниями.

– А при чем тут тогда твои увлечения стихами, музыкой и рисованием?

– Через творчество постигается образ мышления наших сильных и развитых предшественников. Я тут читал про одного поэта, так он…

– Ты слишком распыляешься! – снова перебил Павел, – нам надо обучать воинов, а не устраивать поэтические соревнования.

– Одно другому не мешает, Павел. Да, мы в состоянии войны, но если мы перестанем вести себя агрессивно, возможно, что Вечные ответят нам взаимностью.

– А ты не думаешь, что они рано или поздно сделают из нас рабов?

– Скорее они перебьют нас, если мы будем постоянно бряцать оружием в их сторону. Пора остановить кровопролитие.

– Ох, как ты не прав…

Павел сам не осознал сначала, что он делает. Он резко выдернул из-за пояса свой боевой топор и с размаху воткнул топорище в голову брата.

– Только кровопролитие, только тотальное наступление, только подготовленные воины…

Антон не ответил ему. Он просто упал в траву. Даже в лице, кажется, не изменился. Павел долго всматривался в его остекленевшие глаза, а потом почувствовал, что кто-то смотрит на него.

– Это не я…

Смерть князя Антона сплотила народ. Любимый всеми правитель погиб от рук Вечных. Тех самых, с кем он так хотел подружиться.

– Вы знаете, что случилось, – на церемонию возведения в великокняжеский чин съехались несколько тысяч людей из разных уголков Восточных и Южных земель, – Мой брат, который искренне хотел завершить войну, сам стал жертвой тех, кого так сильно хотел видеть

друзьями! Вечные сами показали свое истинное лицо и свой оскал. Мой брат создал все условия для того, чтобы мы стали умнее, чтобы мы освоили древние искусства, и мы не должны посрамить его память. Мы должны учиться и применять в деле великого освобождения все то, чему научимся.

Павел помнил ту речь практически дословно.

Он стоял у окна и смотрел на снег. Верный, хотя и хитрый Юрий стоял у него за спиной.

– А давай-ка выпьем медового напитка?

– А, давай.

Павел вновь достал бутылку и разлил медовуху в две алюминиевые кружки.

Зима парализовала жизнь в Восточном Городище. Но она же дала время на активное обучение граждан великим наукам предшественников.

– По весне мы выступим в поход. Одновременно из разных точек. Южане обойдут город с северной стороны, а мы ударим с юга. Вечные не смогут стрелять одновременно во все стороны. Мы нападем ночью. Мы никогда этого не делали, боясь их железных псов, но и ты и я знаем, что эти псы, как и железные птицы, есть не что иное как хитрые механизмы.

– Нам бы научиться делать такие, Павел.

– Научимся. Все у нас впереди.

– Я давно хотел сказать, – Юрий поставил пустую кружку на стол, – ты страшный человек.

– Я?

– Да, ты!

– Страшный?

– Да, страшный. Для тебя же нет преград. Твое зачатие убило князя Леонида, потом ты убрал брата, а сейчас, скрывая это, готовишь народ к бойне, какой еще не было. Я слушаю тебя и очаровываюсь твоими речами, но память моя иногда возвращает меня к событиям в том лесу…

– Я лишь продолжаю план своего отца. И, да, ты абсолютно прав – меня ничего не остановит. Ни-че-го…

Хмельной напиток дал в голову. Павел смотрел, как падает снег. Пурга закончилась, и снежинки, подобно семенам одуванчика, кружили в воздухе, медленно оседая в сугробах.

ВРЕМЯ

Есть в Бенгальском заливе небольшой остров Северный Сентинел. Добраться туда можно на корабле или по воздуху, но что ждёт там путешественника?

Остров населяет странное племя. Как называют эти люди сами себя, никто не знает, отчего их принято называть сентинельцами.

Племя проживает в полной изоляции от внешнего мира, и учёные сходятся во мнении, что они так живут более шестидесяти тысяч лет.

Вся планета обрастает заводами, компаниями, кредитами и санкциями, а этот островной народ живет и сейчас так, как жил многие тысячи лет назад.

Любой контакт с сентинельцами кончается кровавой бойней. Аборигены с расстояния ста метров способны попасть стрелой в человека. Охраняя свои земли, они стреляют даже по самолетам и судам.

Об этом племени практически ничего не известно. Даже точного количества жителей острова никто не знает. Кто-то говорит, что их осталось человек шестьдесят, кто-то, что их почти полтысячи. Проверить это невозможно: практически весь остров покрыт деревьями, среди которых и происходит жизнь этого удивительного и непонятного народа.

Пока весь мир переворачивает календарь, отсчитывая новые дни, недели и века, эти люди хранят огонь в глиняных сосудах и точат свои стрелы.

В 2004 году в Индийском океане произошло страшное землетрясение. Цунами, вызванное им, унесло жизни трехсот тысяч человек. Мировое сообщество, подсчитывая убытки, решило послать к Северному Сентинелу авиацию, чтобы проверить, все ли хорошо у местных и, если нужно, сбросить им гуманитарную помощь.

Что помогло сентинельцам выжить, никто не знает, однако миссия была встречена дождем из стрел. Аборигены словно бы в очередной раз сказали, что внешний мир им не нужен. Что, даже находясь на краю гибели, они рассчитывают только на самих себя.

Как они воспринимают гостей извне? Кто это для них – боги или демоны? Как они трактовали после бедствия появление в небе над ними железных птиц?

На этом острове время замерло. Полное безвременье, отстоявшее свое право на существование на планете, где каждый год мы загадываем желания и строим планы, где мы открываем шампанское и бомбим города.

Человечество в силах одной ракетой уничтожить это племя, человечество может с помощью пары десятков спецназовцев с автоматами раз и навсегда установить свою власть над этим островом, но что будет дальше? Мы воткнем свой флаг на пляже, построим там курорт или найдем нефть.

В ноябре 2018 года к острову отправился миссионер Джон Чау. Целью его путешествия было обращение в христианскую веру местных жителей. Он был убит стрелой. За одну секунду местные жители показали миру, что они есть, что даже без танков, вертолетов и бронежилетов они способны противостоять тому, что мы привыкли называть цивилизованным миром.

– На него напали со стрелами, но он продолжал идти. Мы увидели, как члены племени набросили веревку на его шею и потащили тело, – рассказал один из рыбаков, помогавших двадцатисемилетнему проповеднику из Ванкувера добраться до острова.

Сохранились фотографии Джона. Обычный улыбчивый американец, за плечами которого, как ему казалось, вся история христианства, война за независимость и мощь Америки.

Всего лишь стрела. Стрела, показавшая на часах вечности цифру «ноль».

Время не властно над Северным Сентинелом, но жизнь не замерла там. Она просто идёт по своим законам, идёт своим образом и выбирает для своей защиты самые жёсткие способы.

Каждый раз, просыпаясь, мы смотрим на будильник и считаем в голове, сколько еще можно поваляться, сколько нужно на завтрак, и как скоро мы будем на работе. Пробки на дорогах сжирают бесценные минуты и, опоздав на полчаса, мы обещаем начальнику, что обязательно отработаем это время. Может, сегодня, может быть, завтра. Мы измеряем эффективность своей работы часами, мы проводим в офисе восемь часов и со спокойной совестью, не решив текущих задач, прощаемся с коллегами – наступает личное время. Вечером мы торопимся быстрее домой: сегодня вторник, мне завтра рано вставать! А потом среда, четверг, пятница и вожделенные выходные. В выходные можно подольше поспать, посидеть до закрытия метро с друзьями или потратить пару часов на новый фильм, премьеру которого мы ждали полгода. Рекламный ролик кинокартины мы видели каждый раз, приходя в кино. Двухминутный трейлер готовил нас к двухчасовому зрелищу со взрывами, погонями и шутками.

И вот мы на фильме! По расписанию он займет два часа нашей жизни. Но первые десять минут мы смотрим рекламу, и очередное двухминутное видео с дурацкими шутками и вырванными из контекста сценами зовет нас в кино на очередную картину, которую также обязательно посмотрят все наши друзья и коллеги. И так бесконечно.

Мы тратим свое время? Нет, скорее, мы убиваем его! Уничтожаем минута за минутой тот бесценный дар, который дала нам сама природа. Сколько она отмерила нам? Никто не ответит на этот вопрос, но все мы с одинаковым упорством убиваем часы и минуты, выкидываем дни, прожигаем недели.

А в эти секунды на острове в Бенгальском заливе аборигены, не думающие о беге времени и скоротечности жизни, с помощью копий и стрел отстаивают свое право жить где-то между застывших стрелок глобального циферблата – в Величественном и Пугающем состоянии истории, вставшей на паузу.

Время идет по прямой. Есть некоторые теории о том, что существуют параллельные реальности, где все как у нас, только раньше. Или позже.

В космосе время движется с другой скоростью. Это известно тем, кто хоть немного интересуется подобными вопросами. А если вспомнить про черные дыры, то вообще можно двинуться, пытаясь осознать, как устроено это явление.

Физики-теоретики не исключают перемещений во времени, но настаивают на том, что оно возможно только в один конец – вперед. Писатели-фантасты же в своих книгах описывают путешествия в прошлое. Помните, как в одном хорошем фильме Марти МакФлай чуть не поставил под угрозу свое собственное существование, помешав встретиться своим родителям? Конечно, если подумать логически, то он не мог изменить ход истории, ведь если бы его родители не встретились, не было бы его самого, и он бы не смог помешать своим родителям встретиться. Рассуждая подобным образом, можно дойти до полного отрицания всей сюжетной завязки «Терминатора». Не было бы Джона Коннора, не было бы победы людей, не послали бы в прошлое киборга. Самое интересное, что когда начинаешь думать об этом, то дух захватывает и страшно становится – наш мозг не может адекватно интерпретировать всю природу временного парадокса, и волей-неволей, подобрав где-то на периферии сознания подходящие образы, выдает вариант о параллельных вселенных. Представьте, что в некой параллельной вселенной есть точно такой же вы, только однажды повернувший не направо, а налево.

Есть замечательный фильм «Осторожно двери закрываются». Сюжет основан на том, как героиня красотки Гвинет Пэлтроу успевает или не успевает заскочить в вагон метро. Вроде, мелочь, но доля секунды изменила всю версию жизни человека.

Время не любит шуток. Времени нет в материальном мире. Или, всё-таки есть?

Можно ли потрогать время, или его можно только почувствовать?

Физики придумали термин время-пространство, или, если угодно, пространство-время. Они связали эти две величины в одно, этим вытащив время из абстрактного понятия в конкретную физическую реальность.

Да, время придумано человеком. Человек делит вечность на определенные отрезки, размечая ее отправными точками – конец месяца, конец квартала, итоги года, отчёт.

На нашей планете существует общепринятая календарная сетка, но она нужна, скорее, для бизнеса, поскольку есть ещё непредсказуемый лунный календарь. Непредсказуемый для всего остального мира, но не для тех, кто исторически празднует новый год, ориентируясь именно на него. Однако мир настаивает на стандартизации времени: год начинается первого января и кончается 31 декабря. Зима начинает и заканчивает этот цикл.

Есть ещё то, что не смогли, рассчитывая длительность дней и месяцев, побороть древние учёные – 29 февраля. Этот день появился из-за того, что Земля совершает полный виток вокруг Солнца не за 365 дней, а за 365 дней 5 часов 48 минут и 46 секунд. Эти почти шесть часов суммируются и получаются ещё сутки. Но ведь, их всё-таки не шесть – так может возмущенно усомниться любой здравомыслящий человек, и он будет прав! Именно для того, чтобы компенсировать уже эту неточность, иногда високосный год пропускают. Происходит это каждый последний год столетия, при условии, что цифра года не делится на 400. Попросту говоря, последние годы столетий, оканчивающиеся на два нуля, в трех случаях из четырех не являются високосными. Это выглядит как сложная система противовесов. В программировании такую схему назвали бы костылем – то есть куском кода, которые, не меняя системы, задаёт условия исключения для какого-нибудь частного случая.

Получается, что нет четкого понимания времени. Календарь, компенсируя несовершенность расчетов, подгоняют то в одну, то в другую сторону, а новый год наступает не тогда, когда бьют часы. Но мы продолжаем отсчитывать годы и столетия, выстраивать параллели и считать минуты.

Время для нас развивается поступательно. Сначала много лет было непонятно что, потом по земле много миллионов лет бродили гигантские рептилии, потом появился человек. Человек строил пирамиды, ходил в крестовые походы, запускал метро и развязывал войны. Чем ближе к нам то или иное время, тем больше подробностей об эпохе мы знаем. Если историки прошлого за одну страницу могли описать события пары веков, то сейчас этой страницы не хватит даже для того, чтобы сделать краткий дайджест новостей за день.

Нам сложно представить, что до нас человек мог час прождать другого. Сейчас пятиминутное ожидание заставляет хватать телефон и судорожно набирать номер:

– Ты где?

– Еду!

– Когда будешь?

– Позвоню на подходе.

Время будто убыстрилось, и в то же время стало гораздо насыщеннее, чем век назад. Да, что уж говорить о веке? Если тебе за тридцать, то ты ещё помнишь дисковые телефоны и журналы, выходящие каждое пятое число. Из журналов ты узнавал, что месяц назад хорошая группа выпустила новый альбом, и это было актуальной новостью.

Сейчас новость стареет за час. На следующий день она и не новость больше. Информация лезет со всех сторон – знай, отбивайся от ненужных известий из Зимбабве или Индонезии. Двадцатый век называли быстрым веком, а двадцать первый стал стремительным. Ты словно бы чувствуешь бег времени в окружении светящихся разноцветными огнями гаджетов.

А где-то в Бенгальском заливе какой-нибудь абориген сидит на камне и точит копьё. И завтра точить будет. И нет дней, в нашем понимании – в его вселенной есть смена тьмы и света, да редкие вертолеты, пролетающие над головой. Летит вертолет – кидай в него копье или цельсь из лука. Все просто.

Если время и существует, то лишь в наших головах. Само по себе время – это наш миф, созданный нами же для того, чтобы показать, насколько ты лучше или хуже. Вон, тот в твоем возрасте уже владеет сетью кофеен, а ты даже не можешь позволить себе выпить кофе в его

кафешке. Но, с другой стороны, твой одногодка Костян вообще спился, а Илюха сидит, а Денчик и вовсе три года назад умер.

Мы мчимся сквозь одно время, но словно бы с разными скоростями, и все время хотим научиться управлять им, чтобы плохое пролетало побыстрее, а хорошее длилось и длилось.

Мгновение, остановись, ты прекрасно!

Сколько времени мы тратим впустую? Но если время лишь наш выдуманный ограничитель, то мы просто живём. Живём так, как живется.

Кто-то плывет на остров, а кто-то обороняется, даже не выслушав, о чем ты хочешь ему рассказать.

Цифровой код вечности вряд ли похож на циферблат – иначе бы все было гораздо проще, не правда ли?

ЧЕЛОВЕК ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПУТЬ

В тот день они увидели мамонта. Огромное животное с длинной шерстью медленно шло по берегу. Невероятность картины подкреплялась тем, что шел он абсолютно беззвучно. Или просто от землянки не было слышно шагов?

– Ты тоже это видишь?

– Мефодий, это мамонт. Здесь недалеко их целое стадо живёт, – Дмитрий Сергеевич затянулся сигаретой, – ты, что ли, их не встречал?

– Они же вымерли!

– Мефодий, они не вымерли сами. В нашем мире их уничтожил человек. Здесь я когда-то помог им освоить сельское хозяйство, и история пошла несколько иначе. На них охотятся, конечно, но, в целом, их популяция не сильно от этого страдает.

Весна пришла в Береговую Пустошь. Пару дней назад Мефодий со Стариком конструировали систему гидроизоляции для погреба:

– Я его осенью строил, потом морозы вдарили. Как раз на весну это отложил.

Пели птицы, лёд на Ладоге вскрылся, шумели ручьи, пригревало солнце.

Раны Мефодия зажили, но отправляться до островов, где жили люди запада по снегу было не лучшим решением. Гораздо практичнее – переждать холода в землянке, попивая чаек и играя в нарды под музыку прошлого века.

– Скажи, – как-то спросил Дмитрий Сергеевич, – а почему ты только сейчас решил идти к Вечным. Ты четыре с половиной года бродил по этим землям и ни разу не попытался вытащить своих друзей.

– Я разумный человек. Одному внаглую идти сначала на роботов, потом воевать с дронами и прорываться во дворец очень похоже на изощренное самоубийство со спецэффектами. Встретив тебя, я предположил, что наверняка ты, как человек, строивший периметр, знаешь, какие лазейки в нем есть. Я оказался прав.

Они много говорили, вечерами сидя у камина. Мефодий сыпал байками про войну и секретные миссии, а Дмитрий Сергеевич делился историями об устройстве своего изменившего мир детища и забавными случаями из жизни дочки:

– Рите было лет пять или шесть. Она залезла в шкаф, а дверца защелкнулась. Мы с женой искали ее, а она молча сидела в углу под старыми пальто, а потом и вовсе уснула. Я нашел ее там, спросил, слышала ли она, что мы ее звали. Рита ответила, что слышала, но не отвечала, поскольку боялась, что мы будем ругаться. А потом добавила, что в шкафу не так уж и плохо, и если туда поставить горшок, то можно жить целую вечность.

– Ага, она почти права. Я как-то жил в съемной квартире-студии. Очень похоже на шкаф.

– В своих домах я никогда не проектировал студий. Мне кажется, что студии нужны художникам, которые настолько увлечены работой и настолько бедны, что едят прямо рядом с мольбертом.

– Вот и я о том же. Но многие считают, что лучше жить в огромной кухне, но своей. Кто вообще придумал, что в кухне можно заниматься чем-то, кроме готовки. Никогда не любил кухонных посиделок. Окурки в стеклянной банке, залитый чем-то стол, какой-нибудь крикун с гитарой и капающий кран.

– Как ты живописно парой предложений описал целую картину. Писать не пробовал?

– Хотел когда-то, но все, что я могу описать, боюсь, что под грифом «совершенно секретно» до сих пор.

В тот день, когда по берегу прошел мамонт, Мефодий собрал рюкзак, почистил автомат, рассовал по карманам военной куртки магазины и остриг волосы. Машинкой пройтись помог Дмитрий Сергеевич, а потом уже сам сбрил бороду и усы.

– Ты почти не изменился с тех времён.

– Ты о чем?

– Да, вот, – Дмитрий Сергеевич положил перед собой на стол старую газету, – я одну оставил восточному главе, а еще экземплярчик припрятал для себя.

– Слушай, а почему всё-таки тут ни слова о Рите?

– Во-первых, она не публичная личность. Гибель Максима и Гали невозможно было скрыть, да и журналистов не особо интересовала какая-то случайная девочка. Во-вторых, подсуетились депутат Сергей Пантелеевич и Шеф. Да и мне самому не хотелось привлекать к себе внимание. Ну и, конечно, если бы поднялся шум из-за того, что какая-то девчонка смогла незамеченной попасть в гримерку, то могли начаться показательные проверки дворца, а этого не нужно было никому вообще. Через несколько дней мы запускали энергетический контур, а лишние экспертные глаза могли бы увидеть, что дворец не так прост, как кажется.

– Он, случайно, летать не умеет?

– Нет, до таких разработок мы ещё не дошли.

– Понятненько, – Мефодий попытался погладить несуществующую бороду, – Тьфу, ты, как непривычно.

– Знаешь, я бы рекомендовал тебе всё-таки взять лук или арбалет. С автоматом ты слишком уж выделяешься на фоне местного электората.

– Дойду до обжитых мест, прикопаю его. А так пока опасно. Волки, медведи, мамонты…

Мефодий думал о том, чтобы доехать до куда-нибудь на старенькой «Ниве», припрятанной в лесу Дмитрием Сергеевичем, но быстро отказался от этой идеи. Если с местными проблем бы особых не было, то беспилотники Вечных точно создали бы их, а что из всего этого бы вышло, сложно предугадать. Если предположить, что Вечные активно работают над торможением этого мира, может и до ковровых бомбардировок дойти.

Когда-то с Гошей Носковым они были на задании в одной из непризнанных азиатских республик. Необходимо было обесточить систему локаторов. Их заметили, когда они ехали по дороге. Неизвестно, как в их скромном синем «Форде» распознали угрозу, но так случилось. Что их засекли, они поняли, когда над автомобилем пролетел вертолет. Ни одного выстрела не прозвучало, а это значило, что у пилота не было цели их уничтожить. Это было плохо. Если с одним вертолетом ещё был шанс справиться, стреляя по нему с земли, то с возможной ордой боевых истребителей – вряд ли.

Вертолет, пролетев над ними, заложил крюк над джунглями и исчез из поля зрения. Пытаться уехать на машине не было никакого смысла – дорога вела прямо еще километров пятьдесят. По сторонам джунгли, до ближайшего селения час езды.

Выйдя из машины, Гоша и Мефодий затолкали ее в лес и, навалив каких-то веток и листьев, засели под корневищами огромного дерева.

Первые взрывы послышались через несколько минут. Откуда-то справа, потом слева, потом ещё одна вспышка где-то совсем близко. В этой ситуации осталось одно – сидеть и ждать, накроет тебя бомбой или нет. Гоша вцепился в автомат и что-то зашептал.

– Молишься?

– …он уважать себя заставил, и лучше выдумать не смог, его пример… – Гоша не услышал вопроса, – другим наука, но, боже мой, какая скука…

– Оригинально, – Мефодий даже позавидовал. Он, вот, в такой ситуации не мог вспомнить вообще ничего.

Летов когда-то спел о том, что не бывает атеистов в окопах под огнем. Интересно, что бы он сказал на все это.

Ухнуло где-то совсем рядом, а потом вдруг со всей неистовой силой ливанул дождь. Взрывы зазвучали интенсивнее, но дальше, справа упала выдернутая взрывной волной пальма, а вода стала заливать укрытие диверсантов.

– Да, сильная мантра, – смахнув с лица капли, усмехнулся Мефодий и выглянул из укрытия. Лес рядом выглядел побитым. Кое-где что-то дымилось. Пара стволов повалились на откинутую взрывом машину. Где-то вверху шумели самолёты, но, судя по всему, они удалялись.

Миссия была провалена, но они были живы. То ли Пушкин спас, то ли ещё что.

Выбирались из леса они трое суток. Чуть не погибли, нарвавшись на каких-то повстанцев, которые, услышав шум, выкосили здоровенный кусок джунглей из пулеметов. Спутниковой связи не было – все, что могло обеспечить связь, погибло вместе с машиной. Когда они добрались до города и кое-как дозвонились до жутко законспирированного полковника, полковник еле сдержался, чтобы не перейти на неуставной язык:

– Да вы, ж, ек-макарек, в рубашках родились. Вы, чего, еж-внедреж, бессмертные что ли? Мы, блин-вазелин, уже похоронили вас!

– Это все Онегин.

– Какой, в жилу, Онегин? Ты там с Носковым же, нет?

– Я-то с Носковым, но без молодого повесы мы бы не справились.

– Ты там кукухой поехал, что ли? Рапорт и к медикам, и никаких но! Ты и так буйный, а сейчас вообще сильно пугаешь!

Со Стариком Мефодий не стал долго прощаться. Все эти напутствия и махания платочками на перроне были не в его стиле. Его всегда бесило, когда кто-нибудь кого-нибудь провожал на вокзале, сажал в поезд, а потом стоял снаружи и что-то кричал сквозь закрытое окно, размахивая руками и строя скорбные мины. Или, того хуже, звоня по телефону человеку в вагон:

– Сема, не забудь бабе Ире варенье передать, и звони, как приедешь! Звони из Рязани, позвони из Тамбова, не забудь написать из Усть-Коломяжска и Волчехренска, слышишь?

Дмитрий Сергеевич по-отечески обнял Мефодия и тот, сухо сказав «До встречи» и закинув автомат на плечо, пошел в сторону леса.

Весна! Запах талой земли и щебетание птиц. Снег ещё кое-где лежит, но в этих грязных ошметках зимы никак уже не опознать следы величественного и неотвратимого Русского Мороза. Хотя, русский ли он в этих местах и в эту эпоху?

Под ногами то хлюпало, то шуршало сухим ломким звуком засохшей травы. Где-то справа журчал ручей, где-то за деревьями слева тянулось оттаявшее и успевшее высохнуть шоссе. Пока выходить на асфальт не стоило – кто знает, вдруг сверху его увидят. Увидят и задумаются, что мог забыть человек в камуфляже в этой покинутой людьми и простирающейся вне интересов каких-либо племен окраине.

Солнце прыгало в ветках, тревожа переливами редкие капли, зависшие на них. Кое-где распускались листья, летали бабочки. Кое-где разлагался умерший снег…

Зима в этом году была снежной и мерзлой. Весна же зарядила солнцем и, кажется, пустилась в пляс под свои собственные древние песни.

Величие леса, помноженное на победу юной предтечи несомненно жаркого лета, создавало неповторимую атмосферу ярмарки природы с ее птичьим гомоном и лезущими в нос запахами просыпающейся от спячки земли.

Через несколько часов Мефодий сел на поваленный ствол, достал из рюкзака кусок хлеба и, откусив, зажмурился! Хруст хлеба, пение птиц и пригревающее сквозь паутину ветвей солнце.

– Хорошо, – Мефодий улыбнулся, – надо же, как хорошо!

Почему-то ему вспомнилось детство. Когда он был маленьким, его часто дразнили за имя и называли, почему-то, батюшкой. От придирок и нападок пацанов Мефодий любил уходить в лесополосу недалеко от дома. Он бродил по тропинкам, слушал птиц и мечтал вырасти. Вырасти и доказать, что он что-то из себя представляет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.